Гурвич
Принципы автономизма и федерализма в советской системе
г. Москва
1924 г.

Г. С. ГУРВИЧ

ПРИНЦИПЫ АВТОНОМИЗМА И ФЕДЕРАЛИЗМА В СОВЕТСКОЙ СИСТЕМЕ

ИЗДАТЕЛЬСТВО
СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ АКАДЕМИИ
МОСКВА
1924

СОЦИАЛИСТИЧЕСКАЯ АКАДЕМИЯ
Секция советского строительства

Г. С. Гурвич

ПРИНЦИПЫ АВТОНОМИЗМА И ФЕДЕРАЛИЗМА В СОВЕТСКОЙ СИСТЕМЕ

ИЗДАТЕЛЬСТВО СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ АКАДЕМИИ
МОСКВА—1924

Уполглавлитбел № 47. Тираж 7000 экз.

Тип. „Коминтерн“ Витполиграфпрома. Заказ № 1767.

ПРИНЦИПЫ АВТОНОМИЗМА и ФЕДЕРАЛИЗМА В СОВЕТСКОЙ СИСТЕМЕ.

I. ПРОЛЕТАРИАТ И НАЦИЯ.

Предварительные замечания.

Повидимому, есть некоторые основания опасаться, что исследование характера и форм советского федерализма надолго попадет в руки, главным образом, юристов, которые, привлеченные знакомыми звуками «автономия», «федерация», «союзное государство», уже подбираются к делу со своими обычными критериями и на примере РСФСР пытаются доказать—то ли, что советский союз—самая доподлинная федерация, ибо советскому государству федеративность, так сказать, врождена, будучи для него чем-то вроде родимого пятна [1]), то ли, что оно—совсем не федерация, ибо по существу ни на одну из федераций, известных профессорам, не похожа [2]), да и юридическим дефинициям профессоров не покорствует [3]).

Все эти мудрствования, не всегда лишнные лукавства, подобны патентованным средствам от мигрени и зубной боли: они столь же бесполезны, сколь и безвредны, поэтому, ни поощрять, ни запретить их невозможно. Тем важнее напоминать от времени до времени, что познание существа и смысла советского федерализма требует решительного отказа от юридических трафаретов, освобождения от власти знакомых звуков и добросовестного признания бессодержательности традиционной номенклатуры, которая сама должна приспособляться к вещам и фактам, а не наоборот. Бесплодная схоластика, которая у буржуазии называется юридистикой,

---

[1]) Срв., хотя-бы: Конст. Архипов. Типы советской автономии. «Власть Советов» № 8—9, 1923 г., стр. 36.

[2]) См., напр.: проф. Б. Д. Плетнев. Государственная структура РСФСР «Право и жизнь», кн. I, 1922 г. или

[3]) Проф Н. И. Палиенко, Конфедерации, федерации и СССР 1923 г., стр. 13 сл., 44.

удел всякого, кто ловит жизнь в схемы и воображает, что ухватил самую суть явления, тогда как в руках его лишь давно покинутая, омертвевшая и шелушащаяся оболочка. Советский федерализм—дело особого порядка. Понимание его предполагает оценку с классовой точки зрения отношения пролетариата к национальному вопросу, мирового положения советского государства и буржуазной практики автономизма и федерализма. Отнюдь не рассчитывая исчерпать такой большой и сложный вопрос, мы хотели бы провести здесь лишь некоторые общие линии.

Разложение Российской империи на ее составные части.

Нет сомнения, что если бы трудящиеся массы на всем пространстве советского союза составляли одну нацию, сплошную или, хотя и с чужеродными прослойками, но сравнительно тонкими и неглубокими, то задача приближения власти к трудовому населению, как переход на пути к полному растворению государства в социалистически организованном обществе, очень упростилась бы. Но, как известно, историческая действительность сложилась таким образом, что перед пришедшим к власти пролетариатом стала задача, не совладать с которой,—значило—погибнуть, зато разрешение ее сулило ему самый блестящий козырь в борьбе с колониальным империализмом. Старая Россия отличалась чрезвычайной пестротой не только в экономическом и культурно-бытовом отношениях, но и по своему территориальному и национальному составу. Этот набор разноязычных земель, отличающихся друг от друга и почвой, и климатом, и племенами, и историческими судьбами, и распределением городского и сельского населения, и техникой-экономикой с переливами от первобытных хозяйственных форм до высоко-развитой капиталистической промышленности, имел своим центральным ядром Великороссию, которая главенствовала, пока в руках капиталистов и помещиков сохранялся нетронутым насильнический государственный аппарат. Господствующие классы царской России грабили и присваивали себе народное достояние не только в виде

орудий производства, продуктов, материалов, денег и всякого рода ценностей, но и целые нации превращались дворянско-буржуазным государством в предмет грабежа и присвоения. В этом смысле и говорил Энгельс о до-революционной России, как о «владельце громадной суммы украденной собственности (the detainer of an immense amount of stolen property), которая силой будет вырвана у нее (disgorged) в день расчета»[1]).

Этот день расчета должен был совпасть с днем революции. «Распад бывшей российской империи на национальные части был следствием классового распада ее»[2]). Это несомненно и вполне понятно, если принять во внимание, что буржуазно-помещичье государство ничего не могло дать национальным окраинам, кроме экономической эксплоатации и политического гнета везде и вообще плюс сифилис и алкоголизм кое-где и в частности.

Могущественным орудием при этом был крепкий государственный аппарат, который сам был основан на «гражданском мире», на бессловесном подчинении имущим верхам темных неимущих масс. Но революция, как следствие первого пробуждения этих масс, должна была в своем дальнейшем развитии все сильнее и сильнее раскалывать население страны на два прямо друг против друга стоящих лагеря, и эта щель между классами оказалась, конечно, гибельной щелью в машине государства. Машина треснула и распалась. Тогда освободились и узники, которых сковали тюремные стены, и между которыми, казалось им всем, не было иных связей, кроме насильственных каторжных связей общей неволи и общего позора.

---

[1]) Первая статья Энгельса в «The Commonwealth» от 24 марта 1866 г. Приведена у N. Rjasanoff, Karl Marx u. Friedrich Engels über die Polenfrage, (Archiv für die Geschichte des Socialismus u. der Arbeiterbewegung, herausgeg. V. Carl Grünberg, Leipzig, 1916, S. 215).

[2]) Г. Сафаров. Национальный вопрос и пролетариат, 1922 г., стр. 146.

Пролетариат принимает многонациональное наследство.

С этой минуты, именно, с октября 1917 года, борьба восставшего пролетариата за свои непосредственные классовые цели в значительной степени свелась к борьбе за всестороннее руководство многонациональной крестьянской массой. Задачей пролетариата было доказать национальным окраинам, что на историческом перепутьи перед ними три возможности: 1) сепаратизм, к которому их увлекали мелко-буржуазные вожди, и который должен был в конечном счете уготовать им еще неиспытанное ими колониальное рабство, 2) возвращение вспять, под сень «единой и неделимой России», куда их исподволь толкала помещичья контр-революция, и где они обрели бы недавний великодержавный гнет, 3) создание совершенно новых условий сожительства, неосуществимых при господстве какой-бы то ни было буржуазии, обеспечивающих каждой нации наибольшие возможности свободного развития, а всем вместе—могущественную защиту сильного спаянного государства. Пролетариат не захотел отдать свое тяжелое, но почетное наследие ни жадным до колониальных приобретений империалистам Запада и Востока, ни собственной промотавшейся буржуазии: он предпочел сделать из не им награбленного богатства иное, лучшее, применение. Для этого пришлось пройти через очищающий огонь гражданской войны. Тем лучше: свое Великое Союзное Кольцо он выковал в таком жарком и чистом пламени, что его не распаять уже никаким пожарам.

Что такое национальная общность?

а) Нация и территория.

Но это большое дело оказалось по плечу пролетариату оттого, между прочим, что он вступил в гражданскую войну вооруженный старой выучкой, давшейся ему очень медленно и с трудом. В частности, сознательное и правильное отношение к вопросам национального движения и целесообразное решение того или иного национального вопроса в каждом данном конкретном случае невозможно было бы без точного понятия нации и уразумения

классовой сущности национальных движений. С первого же взгляда несомненно, что нация есть некоторая общность людей. Что же, какой признак или черта создает национальную общность людей в противоположность национальной разобщенности? Нельзя ли усмотреть такую общность там, где имеется единство территории? Конкретные наблюдения не позволяют это сделать. Всем известно, что население до-революционной Австро-Венгрии, хотя и расположилось на определенной государственной территории, резкими границами отмежеванной от других, иноземных, территорий, далеко не составляло одной нации. То же с населением России.

б) Нация и язык.

Не имеет ли нация решающим признаком общий язык? Но вот, в бывшем Соединенном Королевстве Великобритании и Ирландии англичане и ирландцы говорили на одном языке, твердо различаясь, однако, по нациям. В Советском Союзе грузины и аджарцы имеют общий язык, но составляют различные нации. То же англичане и американцы. То же датчане и норвежцы.

в) Нация и раса.

В таком случае не служит ли тут решающим моментом единство происхождения? Но такого единства при ближайшем рассмотрении вообще не оказывается. Над созданием итальянской нации поработали в разное время такие этнологически разновидные племена, как этрусски, римляне, греки, германцы и сарацины. Французы произошли от галлов, римлян, германцев и бриттов. В жилах современных американцев течет какой-то винигрет из крови почти всех рас.

г) Нация и экономика.

Быть может, нужно воспользоваться экономическими признаками и сказать, что там, где есть тесное хозяйственное общение, экономическая взаимозависимость частей, там эти части образуют нацию? Но и такое заключение с очевидностью противоречит действительности. Экономическая связанность обрабатывающего севера с добывающим югом в России, хозяйственная

невозможность их раздельного бытия всегда существовала и особенно ярко сказывается ныне при Советском плановом хозяйстве. Однако, население Великороссии и Украины никогда не об'единялось в одну нацию и сейчас нет такого об'единения. Подобных примеров можно найти множество.

Национальная общность, как общность языка, территории и хозяйства.

Мы видим, что нет ни одной черты, которая сама по себе знаменовала бы ту особенную общность, которая зовется национальной. Тем не менее, нации существуют же! Да, они существуют там, где оказались в общем соседстве в с е те главнейшие признаки, которые в отдельности разобраны выше. Национальная общность есть общность языка, территории и экономики. Значение языка, как важнейшего средства общественных сношений, не нужно доказывать: «Полной освязательностью, полной ясностью, на первый же взгляд для всякого, обладают те признаки и связи, которые нация имеет в своей устной речи». [1]) Поэтому н е т е д и н о й н а ц и и б е з е д и н о г о я з ы к а, [2]) хотя, как мы видели, наличие т о л ь к о общего языка не делает еще нации. «Общий язык для каждой нации, но не обязательно разные языки для различных наций» [3]).

В то же время, по тем самым причинам, по которым единый язык так существен для характеристики нации, он окажется бессильным в деле создания национальной общности, если столкнется с территориальной разобщенностью пользующихся им людей. Распадение англичан и американцев на две разные нации началось с той минуты, когда

---

[1]) К. К а у т с к и й. Национальные проблемы. 1918 г., стр. 36.

[2]) Правда, в пределах единой нации могут существовать весьма значительные различия в н а р о д н о м языке (верхне и нижне-немецкий говор, французский и провансальский, валийский и английский), но в таких случаях различия эти вполне парализуются широким господством л и т е р а т у р н о г о языка.

[3]) И. С т а л и н. Сборник статей. 1920, стр. 4 —Поэтому, очень ошибается т. Сафаров, считая швейцарцев нацией (ук. соч., стр. 6). С одинаковым нравом можно говорить и о швейцарских итальянцах, немцах, французах, и о швейцарском н а р о д е, но что назвать швейцарской нацией?.

между ними лег океан, и обратно—об'единение датчан и норвежцев на одной территории уничтожило бы одну из тех причин, которые сейчас обусловливают их национальную разобщенность. Следовательно, нет единой нации без единой территории [1], хотя могут быть разные нации на общей территории.

Наконец, и язык и территория не обозначают национального единства, если к ним не присоединяется внутренняя экономическая целостность, если разделение труда, общий процесс производства не сплетает насущных хозяйственных связей между людьми. Общность экономической жизни—очевидное условие общности национальной.

Таким образом, общности языка, территории и хозяйства необходимо и достаточно для понятия национальной общности.

Необходимо и достаточно. Конечно, возникнув и развиваясь, эта общность трех элементов накладывала все более заметный и специфический отпечаток на всю духовную жизнь нации, создавая ей, таким образом, своеобразное индивидуальное лицо. И это своеобразие, выражающееся, ближайшим образом, в особенностях быта и культуры, присоединяется к общности хозяйства, языка и территории, как «общность психического склада» [2], служа четвертым характерным признаком нации [3].

---

[1] Разумеется, и тогда, когда Польша разделена была между Россией, Пруссией и Австрией, поляки составляли одну нацию. Но ведь нация-то сконституировалась, как таковая, до раздела национальной территории вследствие, между прочим, общности территории.—Пример евреев ничего не может опровергнуть в нашем выводе, ибо еврейство так же мало является нацией, как буржуазия, например, племенем. (Срв.: Маркс. К еврейскому вопросу).

[2] И. Сталин, ук. соч., стр. 7.

[3] Срв.: Формы национального движения в современных государствах. СПБ. 1910, стр. 731.

Классовый смысл буржуазного понимания нации: а) национальное сознание.

В традиционной науке понятию нации не посчастливилось. «Никакое другое понятие из области государствоведения не является столь шатким и неопределенным, как понятие о национальности» [1]). В этом отношении, впрочем, понятие нации разделяет участь целой толпы основных понятий науки о государстве, которые все шатаются и колеблются вместе с этой наукой. Но такое шатание вовсе не составляет отличительного свойства нации. Убедившись, что «невозможно установить единый, прочный, об'ективный критерий нации» [2]), но не исчерпавши попыток найти таковой в какой-либо постоянной комбинации нескольких элементов, наука с подозрительной торопливостью спешит упразднить нацию, как «нечто об'ективное, в смысле внешне существующего» [3]) и возродить ее, как «нечто совершенно суб'ективное, т.-е., свойство определенного содержания сознания» [4]). Такое достижение с точки зрения «чистой науки» импонирует своим глубокомыслием и беззаветным стремлением отрешиться от всего грубо-эмпирического. Но при некотором недоверии к приемам чистой науки и при скептической проверке ее позиции и выводов не трудно обнаружить и здесь один из пошлых фокусов буржуазного классового своекорыстия. Лишить понятие нации точных и ясных конституционных черт, значит,—сделать из него нечто таинственное и сверхчувственное и тем из'ять из ведения простого народа, профанов. Превратить, далее, это понятие в тип сознания, значит — отождествить целиком нацию с тем, кто является, повидимому, духовным гегемоном общества, чье сознание монопольно порождает верховные ценности, и от пиршественного стола которого должен получать подачки охлос с его рудиментарным сознанием и примитивными чувствами. Так зем-

[1]) Л. Гумплович. Общее учение о государстве. 1910, стр. 142.
[2]) Г. Еллинек, Общее учение о государстве. 1903, стр. 75.
[3]) Там же.
[4]) « »

ная, насквозь материальная нация берется живьем на идеалистическое небо, чтобы в ту же минуту контрабандным маневром очутиться вновь на земле в бесконтрольную потребу капиталиста. «Чем выше своеобразная культура народа, чем богаче об'единяющее его членов историческое прошлое, тем более развита и нация, отсутствующая, поэтому, на низших ступенях культуры» [1]). На низшие ступени культуры изо всех сил сталкивает рабочего буржуазия. Но там, на этих низших ступенях, нет осознавшей себя нации, а есть «чернь непросвещенна», которая и в национальных устремлениях должна, следовательно, покорствовать мановению верхов. Но буржуа великодушен. Замиренному пролетариату он готов здесь открыть лазейку: «Для того, чтобы развилось национальное чувство, должно еще присоединиться противопоставление себя другим нациям» [2]). Воспитывая рабочего, как цепного пса, готового вгрызться в горло, кому укажет хозяин, буржуазия обещает ему за это высшее «содержание сознания», напиток богов: национальное чувство.

б) Национальный характер. Тот же смысл идеалистического дурмана остается и за теми теориями, кои пытаются проникнуть в сущность нации с помощью понятия национального характера. При всей осторожности этих теоретиков, признающих изменчивость национального характера, его динамичность, историчность, несамостоятельность, старательно отмежевывающих его от «таинственного народного духа», и пытающихся об'яснить не национальную историю посредством национального характера, а самый национальный характер посредством национальной истории [3]), они оказываются в ближайшем соседстве с национальным спиритуализмом. Ибо этот благонамеренный с виду национальный характер прекрасно обнаруживает свою метафизиче-

---

[1]) Г. **Еллинек.** Ук. соч., стр. 76.

[2]) Там же.

[3]) Срв.: **Отто Бауэр.** Национальный вопрос и социал-демократия. 1918, стр. 21—24, 50, 51.

скую суть, когда порождает «великий факт национальной апперцепции» [1]). Нация, не просто воспринимающая или усваивающая, а апперцепирующая, не очень далеко ушла от нации с саморазвивающимся национальным духом. А роль этого национального духа в деле обуздания непослушных масс путем «оправдания подлости сегодняшнего дня подлостью вчерашнего дня» [2]) слишком хорошо известна.

Что же создает нацию в современном смысле?

Но не ясно ли, что язык, хозяйство и территория не суть нечто, что возникает вдруг в законченности своей, во всех характерных чертах и особенностях, и, возникнув, остается постоянной величиной. И то, и другое, и третье—продукты исторического развития, медленного, иногда прерывистого, исторического процесса. И именно те необходимые элементы, без совокупности которых нет нации, свое значение приобрели в известную историческую эпоху, в эпоху подымающегося капитализма. Поскольку речь идет уже не о признаках, характеризующих нацию, а о действительном факторе, ее, в конечном счете, создавшем, постольку выступает на сцену капиталистическое хозяйство, как образующая и определяющая сила.

Интересы буржуазного рынка требуют единства территории, хозяйства, языка. Того, что мы в наше время называем нацией,—группы людей характеризующейся общей территорией, языком, экономической жизнью и культурой,—нацией, склонной развивать и защищать свою национальную особность, до-капиталистический мир не знал, как не знал и индивидуума-личность с ее особым неповторяющимся внутренним складом, в себе самой несущую вселенную в миниатюре—микрокосм—и ревниво противопоставляющую себя другим индивидуумам. Капиталистический способ производства, вызвав к жизни новый руководящий класс, буржуазию, поставил перед ней основной вопрос се

[1]) Отто Бауэр. Национальный вопрос и социал-демократия. 1918, стр. 41.

[2]) К. Маркс. К критике гегелевской философии права. Лит. Нас., I, 518.

существования—развитие рынка. Она уничтожила хозяйственную самостоятельность многочисленных территориальных подразделений, из которых состояло средневековое государство, и поставила все эти кантоны, марки, области в тесную экономическую зависимость друг от друга и от государства. Вместе с тем она убила сословно-соседскую общину, погнала деревню в город, перемешала, перетасовала людей разных сословий, цехов, корпораций и районов. упразднив неподвижность и стойкость наследственных и приобретенных уз, прав и привиллегий и подчинив всех этих, якобы свободных, равно-и самоценных, индивидов единой власти капитала.

Так стихия рынка, которая всех уравнивает в одинаковом и всеобщем рабстве капиталу, превратила ряд феодальных земель в единую территорию с функционирующим в ее пределах единым хозяйственным организмом.

В то же время росло значение единого языка, необходимого буржуазии для расширения и защиты рынка. Одноязычие облегчало не только руководство в непосредственной сфере производства и обмена, но, что самое важное, укрепляло политическое командование централизованной бюрократии и служило орудием быстрого и легкого подчинения масс буржуазной идеологии через посредство особенного—промежуточного—класса, интеллигенции, для которой язык есть настоящее средство производства, и которая, поэтому, больше кого бы то ни было заинтересована в безраздельном господстве ее языка.

В борьбе за овладение внутренним рынком буржуазия сложилась в нацию со своей хозяйственной системой, своей территорией и своим языком, и во всех странах всякий раз, как силы позволяли ей вырвать государственную власть из рук абсолютизма, она увенчала этот своеобразный национальный status знаменем национального суверенитета. И со второй четверти XIX столетия эта новая национальная идея—идея

самобытности нации и ее верховенства [1]) послужила прекрасным лозунгом, с помощью которого буржуазия гнала народные массы то на штурм абсолютистских твердынь для завоевания необходимых ей свобод, то на борьбу с иноземным владычеством для отвоевания «своего», «независимого», «родного» государства, то-есть, рынка.

В этом был залог национальной исключительности и соперничества.

Но подобно тому, как гражданские свободы, которых домогалась буржуазия той эпохи, знаменовали не соединение человека с человеком, а обособление человека от человека, так и национальная идея буржуазии, требовавшая государственного единства нации, т.-е. ее свободы, как таковой, свободы от опеки чужого инонационального государства, означала прежде всего противопоставление нации. Как там речь шла «о свободе человека, как изолированной, сосредоточенной в себе монады», ибо «каждый человек одинаково рассматривается, как сама себе довлеющая монада» [2]), так и здесь нация рассматривалась в качестве «элементарного единства, рациональной монады науки» [3]). И как там практическим применением права человека, т.-е., буржуа, на свободу являлось его право на частную собственность, «право произвольно, не обращая внимания на других людей, независимо от общества, пользоваться и распоряжаться своим имуществом» [4]), так здесь практическим применением национальной идеи являлось право нации, т.-е. буржуазии, на территорию, язык и экономический суверенитет, право произвольно, не обращая внима-

[1]) «Политическая власть должна быть органически связана с народом, который она представляет, и наоборот, каждое национальное общество, способное к самостоятельной исторической жизни, имеет право образовать свою политическую форму согласно своим стремлениям и потребностям. Другими словами, национальный принцип отныне формулирован такими словами: каждая народность, то-есть совокупность лиц, связанных единством происхождения, языка, цивилизации и исторического прошлого, имеет право образовать особую политическую единицу, т.-е. государство». (А. Д. Градовский. Собрание сочинений, СПБ, 1901, том 6, стр. 13—14).

[2]) К. Маркс. К еврейскому вопросу, Лит. Насл., I, 559.

[3]) Л. Гумплович. Ук. соч., стр. 152.

[4]) К. Маркс. Ук. соч., там же.

ния на другие нации, независимо от всего мира пользоваться и распоряжаться национальным достоянием—рынком. Во всем этом был, конечно, глубокий диалектический смысл. Подданные феодального государства должны были разбить свои цепи, чтобы свободными гражданами вступить в конкуренцию. Но эта конкуренция родила монополию, и на почве буржуазно-демократических свобод произросли предпринимательские и рабочие об'единения, упразднившие эти свободы. Так точно нации должны были сконструироваться как свободные, равноправные и независимые «монады», в качестве таковых противопоставиться друг другу и через жестокое соревнование на мировом рынке притти к фактическому покорению отсталых и слабых наций богатыми и сильными.

Пролетариат и принцип равенства наций.

Всем этим — точным понятием нации, ее историческим происхождением и ролью в капиталистическом обществе,—должна определяться позиция пролетариата в национальном вопросе. Уже со времен Коммунистического Манифеста стало истиной, что «у рабочих нет отечества», что национальная обособленность народов осуждена на исчезновение в процессе самого капиталистического развития, а господство пролетариата еще более заставит ее исчезнуть, ибо «по мере того, как будет уничтожаться эксплоатация одного индивидуума другим, будет уничтожаться и эксплоатация одной нации другой» [1]). Пролетариат не национален. Но одновременно с этим он чуждается беспочвенного космополитизма. Он знает силу национальных различий, и это знание предохраняет его от фатализма в национальном вопросе, как и во всех других. Класс революционный и действенный по преимуществу, он и здесь не может и не хочет уклониться от борьбы не потому, что нация для него—самодовлеющая ценность, а потому, что общие и верховные интересы его классовой борьбы требуют устранения всего, что препят-

---

[1]) Коммунистич. Манифест. Нем. изд., 1904, стр. 22.

ствует международной солидарности пролетариата и способствует об'единению классов в рамках каждой данной нации. В буржуазный принцип равноправия наций, которым буржуазия воспользовалась для обособления наций и натравливания их друг на друга, пролетариат должен вложить революционное содержание и тем восстановить единственно ценный смысл этого принципа: добровольное об'единение и дружное сотрудничество.

Не может быть свободен народ, угнетающий другие народы.

Подобно тому, как он об'являет лицемерным и лишенным смысла понятие равноправных индивидов, заменяя его классовым и революционным делением людей на эксплоататоров и эксплоатируемых, так точно и в национальном вопросе он выдвигает «как основное, существеннейшее и неизбежное при империализме, деление наций на угнетающие и угнетаемые» [1]). Но нация угнетающая несвободна. «Не может быть свободен народ, угнетающий другие народы» [2]). Пролетариат угнетающей нации, не борящийся с этим угнетением, поддерживает его. Поддерживая его, он попадает в плен к своей буржуазии, толкает пролетариев угнетенной нации к национальному союзу с их буржуазией, лишается свободы действий, революционного мужества, делается мертв для интернационального движения и уже по этому одному собственными руками кует собственные цепи.

---

[1]) Н. Ленин. Собр. соч., 1921, т. XIX, стр. 172.

[2]) Там же. Стр. 113, 157, 174, 199, 201—любимая фраза Ленина, которую он не уставал повторять до 1917 года, а с этого года претворял в дело.—Срв. речь Энгельса 29 ноября 1847 г. в годовщину польского восстания 1830 г.: «Не может нация стать свободной и продолжать в то же время угнетение других наций» (привед. у N. Rjasanoff, ук. соч.). А позже с еще большим одушевлением «какое это несчастье (Pech) для народа, если он поработил другой народ!» восклицал Энгельс в письме к Марксу 24 окт. 1869 г. (Der Briefwechsel zwischen F. Engels u. K. Marx, 1844—1883, Stuttgart 1921, IV B. S. 196).

Интересы мировой революции и право наций на самоопределение.

А между тем, неоценимое преимущество марксистски мыслящего пролетариата перед его классовыми врагами заключается в широком кругозоре, в твердом сознании, что он—большого плавания корабль, что перед ним мировые дали, и в них он должен зорко высматривать игру мировых сил. Пролетарская революция может победить окончательно только, как мировая революция. Это понимание вовсе еще не означает «ставки на мировую революцию», как укоризненно качает головой филистер. Это только бесстрашное осознание конечной цели, без которого нет перспективы, нет, следовательно, правильной постановки вплотную предстоящих, конкретных, сегодняшних задач, а есть близорукое крохоборство, беспомощное блуждание в трех соснах и плачевный провал в результате. В частности, если победоносная пролетарская революция возможна лишь в международном масштабе, то не очевидно-ли, что и «национальный вопрос из частного вопроса о борьбе с национальным гнетом вырастает в общий вопрос об освобождении наций, колоний и полуколоний от империализма» [1])? А освободить их от империализма, значит—освободить империализм от самого себя, т.-е. убить его. Это означает развал капиталистического строя, гибель его рынков, исчезновение сверх-прибыли, прекращение подкупа пролетариата метрополией, а это и есть мировая революция. «Теперь сложилась система горстки (5—6 числом) «великих» империалистических держав, из коих каждая угнетает чужие нации, причем это угнетение является одним из источников искусственной задержки падения капитализма, искусственной поддержки оппортунизма и социал-шовинизма господствующих над миром империалистических наций» [2]).

Если так, то единственный лозунг, соответствующий классовым интересам пролетариата и подчиняющий нацио-

1) И. Сталин. Сбор. статей, 1920, стр. 88.
2) Н. Ленин. Ук. соч., стр. 200

нальный вопрос этим интересам, есть лозунг права наций на самоопределение.

В чем смысл этого лозунга?

«Что следует понимать под ним? Искать ли ответа в юридических дефинициях (определениях), выведенных из всяческих «общих понятий» права? Или ответа надо искать в историко-экономическом изучении национальных движений?» [1]. Мы для того-то и постарались выше установить конкретное понятие нации, в которое входят не только национальные язык, культура, хозяйство, но и национальная территория в качестве необходимого признака. Такое определение нации диктуется не одними лишь логическими рассуждениями, но, главным образом, всем историческим опытом национальных движений, господствующей тенденцией которых всегда было образование национальных государств [2]. Но создание национального государства возможно только на национальнй территории. Национальное государство есть господство национального языка, рынка, культуры в пределах национальной территории. Поэтому, право нации на самоопределение есть—исторически и логически—право на отдельное государственное существование. «Под самоопределением наций разумеется государственное отделение их от чуженациональных коллективов, разумеется образование самостоятельного национального государства» [3].

Пролетариат, империализм и угнетенные нации.

Таким образом, позиция пролетариата в национальном вопросе отличается достаточной ясностью и определенностью. И позиция эта не колеблется, а укрепляется в случае захвата им власти в любой многонациональной стране, например, в России. Тогда с осязательной наглядностью выступает необходимость крепких интернациональных связей пролетариата. Свою революцию он должен превратить в ми-

---

1) Н. Ленин. Ук. соч., 97.
2) Там же, 98.
3) « »

ровую. Путь к ней лежит через освобождение наций, колоний и полуколоний от империализма. Всем и каждой угнетенной нации он протягивает руку через головы империалистов. Этим самым он подсекает господство буржуазии в ее собственной метрополии и, следовательно, освобождает из под ее влияния пролетариат угнетающей нации. Но в то же время он фактом своего содействия будит классовое самосознание трудящихся масс угнетенной страны, расширяет щель между ними и их господствующими классами и, обучая их на предметном уроке его собственной революции тактике «вместе бить—врозь итти», внушает им, что если нельзя еще сейчас сбросить своих эксплоататоров, то это нужно и можно сделать на другой день после освобождения от чужеземного гнета.

В государстве пролетариата не может быть национального вопроса.

Но очевидно, что пришедший в многонациональной стране к власти пролетариат должен, прежде всего, у себя дома осуществить свою национальную программу. Вопросы этой программы приобретают сугубую важность, хотя заранее можно сказать, что правильное разрешение их обеспечено. И если в наши дни в Советском Союзе национальный момент примешивается ко всякому вопросу, если ни одна конкретная мера в области наших внутренних или внешних дел, партийного, хозяйственного или иного строительства не может обсуждаться вне плоскости нашей национальной политики [1]), то это никак не значит, что у нас на седьмой год революции есть национальный вопрос, который все усложняется, запутывается сам и нас запутывает. Напротив, непредубежденному и внимательному наблюдателю это именно укажет на *растворение национального вопроса в ряде вопросов государственной жизни*. Он уже не существует обособленно и самостоятельно. Он преодолен как

[1]) Срв.: «Жизнь национальностей». 1923, кн. 3—4, стр. 4.

проблема [1]). И для будущего задача наша: «в национальных вопросах работать так, чтобы не дать возникнуть никакому национальному вопросу» [2]). В этом отношении есть близкое сходство между ним и земельным, например, вопросом, который тоже не сходит у нас с повестки дня Всероссийских С'ездов [3]). Но кто же заключит из этого, что у нас есть «аграрный вопрос»? Национальному вопросу, как и земельному, нанесен сокрушительный удар в самое основание фактом свержения власти собственников, и вот—он зашатался, рассыпался на мелкие куски, распылился. Процесс дальнейшего измельчания и растворения этих частиц и длителен и труден, но это уже дело времени и общего сознательного строительства, а не вопрос борьбы и случайной удачи. И здесь, разумеется, как и в других случаях, положение национального вопроса в Советском государстве нельзя понять вне связи с отличительными чертами этого государства: отсутствием господствующего класса капиталистических собственников, обусловливающего и делающего неизбежным все виды угнетения, в том числе, и национального.

---

[1]) Интересно, что за-границей это понимают даже лучше, чем у нас. Финляндский министр Вэннола недавно сообщил своим соотечественникам, что проблему мирного сожительства наций Советская Россия разрешила уже; польский министр вынужден признать, что Польша не может ввести, подобно России, территориальную систему в военном деле в виду неоднородности состава населения Польши; но лучше, точнее и правильнее всех выразился «Times»: Англия «признала правительство, которое не имеет никаких территориальных или национальных признаков» («Известия ЦИК» СССР, 12/II — 1924). Ближе и непосредственнее невозможно выразить недоумения озадаченного буржуа, который впервые в жизни не может различить в многонациональной стране господствующую нацию и правительство, отмеченное печатью этой нации.

[2]) Т. Зиновьев. Речь в заседании коммунистич. фракции II Союзного С'езда—(«Известия ЦИК» СССР, 6 II—1924).

[3]) Срв. речь М. И. Калинина, XI Всеросс. С'езд, первый день, открытие.

Этот особенный характер государства сказывается во всем: в крупном и в мелочах.

Всем известно, например, что при господстве товарного хозяйства неизбежны экономические кризисы. Априорно можно сказать, что эти кризисы должен переживать и пролетариат, принужденный в переходный период сохранить товарно-меновую систему. Но как различно переживается экономический кризис в государстве капиталистов и в государстве пролетариата! Там кризис сбыта естественно и необходимо вызывает сокращение производства и заработной платы, ибо буржуазия не может реагировать на стихию иначе, чем приспособлением к ней. Закрытие предприятий, урезывание расходов на оплату труда, выталкивание на улицу рабочих—вот стихийный ответ буржуазии на стихийное колебание рынка. Тот же кризис сбыта у нас должен вызвать и вызывает, действительно, явление совершенно обратное: усиление государственного планового хозяйства и, как следствие, удешевление его. Не сжимание производства, а ограничение цен и нажим на торговлю, дающие возможность переложить убытки от кризиса на буржуазию. «А заработная плата? Пусть укажут наши враги, в каком буржуазном государстве и когда происходило во время кризиса систематическое увеличение реальной заработной платы сотням тысяч железнодорожников? Когда передавались в такое время крупные добавочные средства местным органам для повышения заработной платы сотен тысяч учителей, милиционеров, медиков и других местных работников (как у нас передается с 1 января половина промыслового налога)?» [1]).

Превращение российского пролетариата в нацию.

Отсутствие господствующего класса собственников, вынужденного практиковать все виды насилия и угнетения, значит, и национального, есть та особенность Советского государства, которая позволила пролетариату в многонациональной стране подсечь питающие корни национальных

[1]) Ю. Ларин. Статья в «Правде», 20/XII—23.—Срв.: Он-же «Ножницы и уроки кризиса» в журн. «Вопросы сов. хоз и управления» № 1, 1924, стр. 32 слл.

ного вопроса, вырвать его жало, которым он так страшен. Революция, которая ничего не делает зря, ударила, как мы видели, по разношерстному, из кусочков насильственно скованному телу так, что расскочились все ненавистные старые скрепы. Это была очень болезненная, но вполне при данных условиях законная и неизбежная операция. В то же время рабочему классу из его революционного центра—Великороссии—хорошо было видно, что одна из его очередных задач, от осуществления которой зависит успешность и русской и, в дальнейшем, международной революции, есть замена старых буржуазно-политических скреп новыми узами внутреннего, интернационального содружества, основанного на общности интересов трудящихся каждой нации в их борьбе против общего угнетателя—капитализма. К такому об'единению пролетариат Великороссии мог повести нации бывшей империи лишь в том случае, если он покажет на деле, что диктатура пролетариата, состоя в руководстве широкими крестьянскими массами, означает уничтожение почвы под национальными предрассудками бывшей «державной» нации. Завоевание власти пролетариатом в любой стране есть, по выражению Коммунистического Манифеста, превращение пролетариата в нацию. Нация, следовательно, остается, но *она уже ни при каких условиях не может быть угнетающей нацией*. Пролетариат Великороссии должен был доказать рабочим, а главное, крестьянству окраин, что, подобно тому, как он свергнул власть своих национальных поработителей, *сам стал нацией*, вложил тем самым иное—мирное, культурное—содержание в это, прежде воинственное и эксплоататорское, понятие, так и они, держась того же пути, необходимо сольются в тесный круг равноправных товарищей—наций.

Что значит «державная нация»?

Кто из них будет «державной» нацией?—Та, которая окажется впереди в благородном соревновании по организации социалистического хозяйства. В чем выразится ее державность? —

в материальном богатстве, в культурном преуспеянии, в высоком духовном развитии. Какое же применение сделает она из своей державности, в чем видит смысл этой державности, какие обязанности принимает на себя вместе с ней?—Помощь отсталой нации, уступка, жертва в ее пользу, поддержка братской руки, которая настолько сильна, что вытащит из любой беды, поддержит при любом переходе, и настолько мягка, что не даст никогда почувствовать свое превосходство, никогда не оскорбит и тенью высокомерного покровительства, никогда не отравит этой помощи усмешкой снисходительного пренебрежения. И то, и другое, и третье было бы, прежде всего, глупо, потому что своего относительного могущества нация, оказавшаяся державной, могла достигнуть только при помощи союзных наций всех вместе и каждой в отдельности.

И вот, следовательно, в каком смысле можно говорить о национальном вопросе в советском государстве: это вопрос национального выравнивания по линиям хозяйственной, политической и культурной [1]), вопрос уничтожения фактического неравенства национальных сил, как наследия буржуазного гнета и колониального рабства. Старая Россия проводила по отношению к своим окраинам ту же программу, какой придерживается всякое буржуазное многонациональное государство: всеми мерами душить в зародыше обрабатывающую промышленность колоний, культивируя в них лишь рынки сырья и сбыта для державной метрополии. На почве этой экономической искусственно поддерживаемой отсталости и возвышалась, разумеется, надстройка общественного, культурного и административного рабства, разрушить которую можно лишь основательным хозяйственным землетрясением с его отдельными моментами вроде переноса фабрик к источникам сырья (в Туркестан, Башкирию, Киргизию, на Кавказ), борьбой с традициями старой переселенческой политики, возвращением туземцам

[1]) Срв: Доклад И. Сталина по национальн. вопросу на X С'езде РКП. (Стенографич. отчет, Гос. Изд., 1921 г., стр. 80).

пахотной и иных земель, захваченных кулаками-колонизаторами, и проч. [1]). Для капиталистического государства эмансипация инонациональных окраин—разорение, распад и гибель, и, сообразно с этим, национальный вопрос для него есть вопрос экономического и политического господства привиллегированной державной нации над нациями слабыми, отсталыми, подчиненными; для советского государства, с его плановым хозяйством и отсутствием эксплоататоров, всестороннее выравнивание национальных частей—залог силы, процветания, успехов и, соответственно с этим, национальный вопрос здесь—вопрос ликвидации всякой исключительности, привиллегированности фактической и юридической. Внешним образом это стремление эксплоатирующей нации буржуазного государства сохранить своё главенство выражается всегда одинаково, совершенно независимо от большей или меньшей «демократичности» этого государства: национальность господствующей нации, есть воинствующая национальность, она всегда нападает и, нападая, действует испытанным оружием: ассимиляцией. «Мы—заявлял не так давно Рузвельт в «свободной» американской республике—приветствуем немца, ирландца, стремящихся сделаться американцами, но нам не нужен чужестранец, не желающий отказаться от своей национальности» [2]). А в самодержавной России какой-нибудь Столыпин громко и официально провозглашал то же самое несколько иными словами: «Сплотитесь сначала,—говорил он полякам,—общенациональным цементом... Станьте сначала на нашу точку зрения, признайте, что высшее благо—это быть русским гражданином... и получите все права» [3]). Ассимиляция же потому хорошее оружие воинствующей национальности, что всегда может сослужить ей и классовую службу. Крестьянско-рабочие низы подчиненных наций

[1]) Резолюция X С'езда РКП по национ. вопросу (Там же, стр. 97).

[2]) Цит у М. Павловича. «X С'езд РКП и национальный вопрос» в сб. «Национальный вопрос и Советская Россия», 1921, стр. 37.

[3]) Цит. у М. Славинского. «Национальная структура России и великороссы», в сб. «Формы национального движения», 1910, стр. 289.

поддаются ассимиляции очень туго, либо вовсе не поддаются; зато капиталистические и землевладельческие верхи перенимают язык, нравы, религию господствующей нации и, приобщаясь, таким образом, к «высшей культуре», образуют более или менее единый собственнический фронт в то время, как простонародье, разделенное национальными перегородками, коснеет в предрассудках, темноте и беспомощности и представляет удобнейший материал для эксплоатации.

Итак, вся суть вопроса в следующем: кто олицетворяет нацию? Если буржуазия—тогда грызня и утеснение. Если пролетариат—тогда сотрудничество и равноправие.

Крестьянин, как охранитель национальных черт.

И это надо было доказать на деле. Во всякой стране наиболее косным охранителем национальности является крестьянство. Это понятно, ибо производственные условия, в которых живет крестьянство, особенности земледельческого хозяйства обусловливают общую инертность и консервативность землероба. Отсюда приверженность к старине, к национальной обособленности, к национальному наряду, языку, свычаям и обычаям. Но именно эти естественные симпатии инонационального крестьянина веками отрицались и втаптывались в грязь господствующими классами России. Украинский крестьянин, как и белорусский, татарский и иные, из поколения в поколение терпел систематические надругательства над тем, что ему—мужику—свято и дорого. Его землю грабил русский помещик, его самого драл русский чиновник, его муштровал русский офицер. Мудрено ли, что он с молоком матери всосал недоверие ко всему русскому и отчаянную безудержную мечту на своей собственной земле со своим собственным языком пожить самому себе хозяином?

Этому законному желанию угнетенных наций России пролетариат пошел навстречу. Он мог так сделать не только потому, что того требовали его конечные цели, как дальновидного политика, а и потому, что лозунги защиты и покро-

вительства порабощенным нациям всегда стояли на его знамени. В данном случае он поступал, конечно, сообразно с определенными конкретными условиями и требованиями времени и обстоятельств, но и следовал в то же время своей программе, созданной в опыте классовой борьбы и соответствующей его социалистическому мировоззрению. Ставши хозяином положения, он показал, что слово его не может расходиться с делом. И было очевидно, что претворение слова в дело обеспечит пролетариату доверие инонационального крестьянства, как необходимую предпосылку социалистического строительства в России, и завоюет ему симпатии всех угнетенных империализмом наций, что приблизит мировой переворот.

Признание права на отделение, как одна из гарантий целости государства.

Но этим законным желаниям угнетенных наций России могло соответствовать только провозглашение их права на самоопределение. Содержание же и применение этого лозунга заранее определялось рассмотренными выше понятиями нации и национальных стремлений. Предоставить каждой нации самостоятельность и равенство во всем «в том числе и в государственном строительстве, в опыте построить «свое» государство» [1]. Другими словами, возвратить нациям то, что у них было отнято, и что им по праву принадлежит. Провозгласить право наций на отделение может, конечно, лишь такое государство, которое действительно способно предоставить этим нациям в случае их отказа воспользоваться правом на отделение ту полноту государственных прав, которая им нужна, и которую они в состоянии использовать. В этом смысле и сказано было, что «признание права на отделение уменьшает опасность распада государства» [2], делает ненужным фактическое отделение.

Такое признание, исходящее со стороны государства, которому незачем лицемерить, которое действительно спо-

[1] Н. Ленин. Ук. соч., стр. 197.
[2] Там же. Стр. 121.

собно осуществить свое обещание, сразу же ставит национальный вопрос на новую почву: оказывается, что тут-то и возникает возможность учесть все конкретные особенности, которые в каждом даннбм случае существенно отличны и требуют, поэтому, особого рассмотрения и особого вывода. Оказывается, что «экономические, политические и культурные условия, окружающие данную нацию,—таков единственный ключ к решению вопроса о том, как именно должна устроиться та или иная нация... При этом возможно, что для каждой нации потребуется особое решение вопроса» [1]). Безусловное отделение вовсе не есть во всех случаях самый лучший и неизбежный исход.

Действительно, об'явленным в ноябре 1917 года правом «народов России на свободное самоопределение, вплоть до отделения и образования самостоятельного государства» [2]) различные нации воспользовались по разному. И только там, где в конечном итоге гражданских войн 1918—1920 годов одолела буржуазия (Прибалтийские страны и Польша), и где, следовательно, возобладали экономические и политические течения, коренным образом враждебные трудящимся,— только там утеряны были все государственные связи с революционной Россией. Но в исторической борьбе за социализм отделение этих стран от Советской России—необходимый эпизод: будущее покажет, что таков был единственный возможный путь роста классового самосознания пролетариата этих стран и освобождения всех его сил для борьбы с его буржуазией. Там же, где восставший пролетариат закрепил свое господство, превратил самого себя в нацию, там эта нация нашла такую форму государственного сожительства с другими советскими нациями, которая наиболее отвечала ее экономическому и политическому состоянию.

Рассмотрим эти формы поближе.

1) И. Сталин, сборн статей, 1920, стр. 24.
2) Декларация прав народов России. Собр. Узак., 1917, № 2, стр. 18.

II. АВТОНОМИЗМ И ФЕДЕРАЛИЗМ У БУРЖУАЗИИ.

Формы децентрализации.

Всем известно, что эти формы суть автономия и федерация. Отнюдь нельзя сказать, чтобы наука располагала сколько нибудь четкой постановкой этих понятий. Юридические определения федеративного устройства отличаются «роковой искусственностью» [1]; по вопросу об автономии в литературе царит хаос [2]. Самое «слово это в науке не имеет твердо установленного значения» [3]. Ниже будут видны причины того и другого. Пока отметим, как можно—схематически, по крайней мере,—ориентироваться в этих понятиях. Если представить себе, как мыслимую единицу измерения, государство с могучей центральной властью, которое посредством чиновников, подчиненных исключительно центру, управляет страной так, что не допускает свободы, инициативы и самодеятельности населения в отправлении функций, имеющих даже чисто местное или временное значение, то получится образец централизованного государства. Если вообразить, далее, такое уклонение от этого образца, при котором управление собственным имуществом и собственными хозяйственными делами предоставлено городам, общинам, областям посредством ими же избираемых и сменяемых органов, получатся начала децентрализации, административного самоуправления, которое может, конечно, принимать разные формы, суживаясь и расширяясь. Когда же отдельная область, обладающая более или менее выраженной собственной физиономией, рядом

---

1) С. А. Котляревский. Власть и право. 1915, стр. 259.
2) Там же, 261.
3) Н. И. Лазаревский. Русское государственное право. Т. I, 1917, стр. 181.

характерных особенностей и интересов, приобретает право самоуправляться на основе ею же для себя издаваемых местных законов, так-что определенные сферы местной жизни регулируются не общегосударственным законодательством, а местным, то область эта имеет, значит, автономию (самозаконодательство), политическое самоуправление, которое, опять-таки, способно принимать разнообразные формы и колебаться в об'еме. Во всяком случае, за центральной властью остается право контроля над автономной частью, право утверждать или не утверждать ее законы. Если же автономная область освобождается и из-под этого контроля и в пределах отведенной ей сферы законодательства действует бесконтрольно, то она превращается в федеративную область, сама становится государством, частью федеративного государства, которое одно продолжает сохранять верховную власть.

Различные формы децентрализации суть лишь различные формы угнетения.

Нечего и говорить, что многообразие политических форм далеко не укладывается в эту схему, да и не может уложиться в какую бы то ни было. И все попытки науки изобрести сколько-нибудь устойчивые мерила для различения самоуправления административного и политического, автономизма и федерализма, ломаются жизнью, словно в насмешку. Это понятно, если принять во внимание, что во все стадии существования государства, его—это государство—так приспособлял к своим жизненным интересам господствующий класс, чтобы властвовать над подчиненными массами с соблюдением двух условий: наибольшей прочности власти и наименьшей затраты сил. Следовательно, в разные эпохи в разных собственнических государствах цели господства всегда одни и те же, способы же господства чрезвычайно многообразны. И так как государство есть нечто очень материальное, вещественное, так как власть его действует на территории, части которой обычно различаются климатическими, географическими, почвенными и всякими иными условиями, и над населением, раз-

личные группы которого имеют различное историческое прошлое, своеобразные бытовые навыки, пестрые хозяйственные интересы, то перед господствующими классами всегда стоит один из существеннейших вопросов власти: как наивыгоднейшим образом примостить многообразные части государства к единой власти государства? Как добиться того, что единая цель государства, удержание в повиновении подвластных масс, осуществляется в разных местах—пусть по разному—но одинаково успешно, а, главное, согласно единому верховному интересу правящего класса: сохранение его форм частной собственности?

Стремление крупного капитала к единству эксплоататорской власти.

Особенные же трудности приходится преодолеть при разрешении этой задачи современному, буржуазному государству, которое непосредственно в своих руках сосредоточивает огромные материальные ценности и, поэтому, все более заинтересовывается в подчинении своей централизующей указке всех отраслей государственной жизни, всех областей государства. При той тесной экономической взаимозависимости, в которую вступают отдаленнейшие части капиталистического государства, оно все более нуждается в единстве хозяйственного оборота. А этого единства оно добивается не только тем, что закрывает внешние границы, но и тем, что стирает все внутренние границы и доводит до высшего развития пути и способы сообщения. Тогда проблема распределения власти между центром и частями государства приобретает исключительную сложность и важность, и ее характерным моментом становится стремление крупного капитала в одном месте сосредоточить всю организующую и руководящую силу государства, предоставляя тем или иным частям его лишь отображать эту силу более или менее по своему. Крупный капитал—монополист и централист по самому существу своему. Он органически не выносит соперничества. Но обессиливая конкурента, он до времени не стирает его с лица земли, а сооб-

щает ему иллюзию самостоятельности и самобытности, в то время как он—только слуга и бледная, немощная копия господина. Так акционерное общество подчиняет себе в лице двух-трех воротил многолюдную толпу держателей мелких ценностей, из которых каждый, однако, волен мнить себя одним из полноправных вершителей судеб предприятия. И в руках современного государства довольно старые понятия децентрализации, самоуправления, автономии и федерации превратились в такие средства очень различно осуществляемого властвования над частями территории и населения, при котором эти части делят с центром власть управления и законодательства, оставляя, однако, центру львиную долю этой власти и самую возможность по своему усмотрению нормировать и перераспределять сферы и содержание долей. В особенно типичных случаях эта возможность безгранична: при наличии соответствующей фактической силы центральная власть в состоянии вполне правомерным, конституционным актом превратить государство из федеративного в унитарное! (см. ниже).

Для этого буржуазия широко пользуется понятием с у в е р е н и т е т а.

Суверенитет и его сверхъестественные свойства.

Суверенитет именно и есть юридическое олицетворение всемогущества и всевластия государства. Когда хотят сказать, что государственная власть юридически неограничена, непроизводна и независима, то говорят: государство суверенно. А из непроизводности и независимости государственной власти вполне логически вытекает ее е д и н с т в о и в с е м о г у щ е с т в о. Если государственная власть есть высшая, верховная, то не может быть двух или более государственных властей в одном государстве, как не может быть больше одной высшей точки в одной плоскости. Где не одна государственная власть, там и не одно государство. Государство всегда суверенно. Оно всегда едино. Оно может уделять своей части сколь угодно значительную по об'ему

и содержанию власть, но эта власть не будет суверенною, т.-е. государственною. Если же нет над государством никакой другой юридической власти ни в государстве, ни вне его, то очевидно, что именно государственная власть одна без соперников вправе распоряжаться всеми рессурсами государства. Никакой орган и никакое учреждение государства не может ему оказать помеху в этом осуществлении верховной власти, не оказываясь виновным в неповиновении или мятеже. Государство, значит, юридически всемогуще, и никакая часть его, какими бы широкими правами она, вообще, ни обладала, не может на законном основании тягаться с ним, ибо она только часть производная и подначальная.

Суверенитет и государство.

Это понятие суверенитета подверглось в новейшее время со стороны некоторых ученых пересмотру, в результате которого суверенитет вышел еще более возвеличенным. Как об'яснить существование государств, являющихся членами более обширных государствнных союзов и не перестающих, все-таки, быть государствами, как об этом настойчиво твердят факты? Государства-члены федераций, вроде швейцарских кантонов, американских штатов, германских республик (раньше монархий), как будто обладают государственной властью, но очевидно, вместе с тем, что эта власть не есть верховная: над ними возвышается господство союза. Каждый член союза располагает определенной сферой самостоятельности. Внутри этой сферы он—настоящее, повидимому, государство с собственной территорией и подданными, над которыми он осуществляет государственную власть. Но эту сферу верховная власть союза вправе суживать или расширять по своему усмотрению. С точки зрения теории, признающей тождество государственной власти и суверенной власти, такие государства, лишенные суверенитета, не суть государства. Подобный вывод явно противоречит действительности. С другой стороны, признание их государствами неминуемо означало наделение их суверенной властью, т.-е. дробление суверенитета внутри союзного государства, упи-

чтожение единства суверенитета, его могущества,—одним словом, скандал.

После долгих колебаний блюстители достоинства суверенитета вышли с честью из испытания. Открыли, что суверенитет и государственная власть—вещи разные, и что суверенитет вовсе не необходимый признак государственной власти. Все дело в том, кем устанавливается компетенция государственной власти, круг отраслей, дел, предметов, от нее зависящих: если компетенцию эту устанавливает для себя само государство, оно имеет, значит, исключительную способность самоопределения—оно суверенно; если другое государство,—оно несуверенно. Поэтому, члены союзного государства суть государства, лишенные суверенитета. Он остается властью непроизводной, верховной, юридически неограниченной, и когда несколько государств об'единяются в союзное государство, то последнее не есть простая сумма их, а новое государство, отличное от каждой своей части, и ему-то, как таковому, принадлежит суверенитет.

Обожествление суверенитета и его действительная роль.

Как видно, суверенитет—независимый, единый, всемогущий—приобретает характер божества. И со времени великой французской революции, в течение всего XIX столетия, ученые усердно занимались тем, что выискивали все новые «аттрибуты» этого божества, как жрецы для вящшего возвеличения своего идола вдохновенно открывают у него все новые божественные «ипостаси», чтобы еще больше ошарашить верующее стадо. Суверенитету приписали неделимость, непогашаемость, неотчуждаемость, наконец, вездесущность и вечность, и если бы интересы буржуазии потребовали, чтобы суверенитет исцелял больных и воскрешал мертвых, это было бы, в сущности, очень легко сделать [1].

---

[1] Совершенно верно замечено по аналогичному поводу: «читая этих авторов, чувствуешь себя перенесенным в средневековье, когда юриспруденция была служанкой богословия. Субстанция, аттрибут—выражения, лишенные смысла, от которых следует освободиться раз навсегда». (Leon Duguit. Traité de droit constitutionnel, t. I, Paris, 1921, p. 476).

В действительности, суверенитет не имеет в себе ничего небесного. Это историческое понятие, возникшее в классовой борьбе и ставшее орудием классовой борьбы, чтобы потом через поповское бормотание буржуазных ученых превратиться в теологическое пугало для угнетаемых масс. На исходе средних веков борьба королей с императорами, папами и феодалами означала нарождение городской буржуазии с денежным хозяйством, восставшей против отжившего феодализма. В этой борьбе молодые национальные монархии с особенной силой воспользовались уже раньше в схватке между церковной и светской властями возникшим представлением о суверенитете, как о верховной власти, которая никому, следовательно, не может быть подчинена. Суверенитет уже тогда был чисто служебным, боевым, «полемическим» [1]) понятием, привлеченным на службу королевскому абсолютизму, под сенью которого расцветала юная торговая буржуазия. Когда же последняя почувствовала себя достаточно сильной для того, чтобы добить феодалов и вместе с ними выродившееся самодержавие монарха, она вспомнила учение, выработанное еще средневековыми схоластами, защитниками церкви, о том, что суверенитет принадлежит народу, у которого его, дескать, узурпирует монарх [2]). И тогда, после удачной революции, суверенитет был целиком перенесен на все общество, и идея национального суверенитета, уже неотчуждаемого (он принадлежит не столько нации, сколько национальным поколениям; живым так же, как и мертвым и еще неродившимся) [3]), и неотъемлемого (пусть узурпатор захватит власть, все же никакая давность не сделает его носителем суверенитета!), обошла в торжествующем шествии весь буржуазный мир.

---

[1]) Г. Еллинек. Ук. соч. 289.

[2]) Эсмен. Общие основания конституционного права. 1898, стр. 130 слл.

[3]) Срв.: там же, стр. 140.

Буржуазия спасает суверенитет от покушений пролетариата

Однако, так как вся история суверенитета убеждала буржуазию, что это беспринципное создание довольно легко меняет своих господ и в известный момент может сослужить пролетариату такую же службу, какую сослужило буржуазии, то еще Кант пришел к необходимости признания государства особой сущностью, независимой от составляющих его индивидов, чем открыл возможность для Шеллинга и Гегеля проделать над суверенитетом очередную операцию перевоплощения: отвлечь его как от монарха, так и от народа и неразрывно связать с государством [1]). Когда же экономическое развитие XIX века создало германскую федерацию и с ней ряд политических фактов, упорно не соглашавшихся со старой конструкцией суверенитета, то идея Канта-Гегеля оказалась особенно плодотворной в руках современных германских ученых. «Суверенитет монарха, народный, национальный»—все это «поток фраз», плохих уже тем, что они—французские [2]). На самом деле, суверенитет принадлежит не лицу, не группе лиц, не органу, а государству. Государство же есть нечто отличное от нации, отличное от индивидов, отличное от территории [3]), хотя оно, в то же время, есть территориальная корпорация нации, состоящей из индивидов [4]). Вот, этому государству, как таковому, как целому, которое, в свою очередь, есть единство, а не сумма составных частей, и принадлежит суверенитет.

Круг буржуазного развития суверенитета, таким образом, завершен. Над ним одержана своеобразная победа. Сохраняя все свои колдовские черты, которыми он так дорог и мил господствующему классу, он лишается отныне своей коварной способности кочевать в пределах государства от одного класса к другому. Он—свойство самого государства, и есть, значит, нечто столь же отвлеченное от индивидов и

---

[1]) Н. И. Палиенко. Суверенитет. Историческое развитие идеи суверенитета и ее правовое значение, 1903, стр. 205, сл.

[2]) Еллинек, ук. соч., стр. 311 и прим. 5.

[3]) Там же, стр. 103, сл.

[4]) » » стр. 114.

классов, как и само государство. Падает тогда всякий смысл революционного лозунга «национальный суверенитет». Характер курьеза принимают всякие споры о том, кому внутри государства принадлежит суверенитет [1]). Не может уже быть борьбы за национальный суверенитет, за верховенство нации, раз признано, что об'ект борьбы не существует.

Так достигшая власти буржуазия тщится замести все следы, чтобы по ним не прошел новый революционный класс.

Она блюдет нерушимое единство суверенитета.

Попутно, это перемещение суверенитета дало возможность справиться с насущными практическими затруднениями современности. Если понятия суверенных или несуверенных наций, монарха, органа вообще ненаучны и нелогичны, если суверенитет, как признак, может сопутствовать только государству, то вопрос о том, возможны ли несуверенные государства, отнюдь не совпадает с вопросом, возможны ли несуверенные нации, и для национального самолюбия, следовательно, теряет всю свою остроту. Ряд фактов, имевших место в XIX столетии, подчеркнули существование союзов, которым невозможно отказать в государственном достоинстве, но очень опасно приписать юридически неограниченную верховную власть. Политически удобный и при том единственно «научный» выход—в конструкции несуверенных государств. Необходимою чертою государства признан был не суверенитет, остающийся властью неограниченной, верховной, а способность иметь «собственное» право законодательства, управления и суда [2]), хотя бы и в ограниченной сфере. «Критерий верховной, высшей власти состоит в том, что она сама себя определяет и ни от какой другой власти не получает юридически обязательных предписаний» [3]). Такова суверенная власть. Сообщенная государству, она делает его суверенным государством. В то же время «несуверенное государство самоопределяется свободно

[1]) Срв.: А. Менгер. Новое учение о государстве, 1906, стр. 201, слл
[2]) Еллинек, ук. соч., 326.
[3]) Paul Laband. Das Staatsrecht des deütschen Reiches, 1902. S. 13.

лишь в пределах, отмежеванных его государственному ведению» [1]), таким образом, что оно—«государство-член—есть суверен по направлению книзу и подданный по направлению кверху» [2]). Такое свободное, хотя бы и узкое, самоопределение и «собственные», хотя бы и в тесной сфере, законы предполагают наличие собственного высшего органа, не совпадающего с органом другого государства [3]). И только там, где нет и этого, где «союз, осуществляющий господствующую власть, получил от другого, стоящего над ним, государства свою организацию в качестве закона, исходящего от этого последнего, там нет государства» [4]), не только суверенного, но и не суверенного. Северо-Американские Соединенные Штаты, швейцарская федерация, союзная Германия суть по этой конструкции суверенные государства; штат, кантон, отдельный член германской федерации—тоже государства, но лишенные суверенитета, великобританские же автономные колонии и им подобные образования (Финляндия в составе б. российской империи, Кроация в Венгрии, Эльзас-Лотарингия в Германии), не суть вовсе государства.

Учение о суверенитете есть учение о национальных интересах буржуазии.

Таким образом, суверенитет был спасен не только от завоевания враждебной буржуазии классом, но и от раздробления и с ним сопряженного умаления. Эту верховную, неограниченную, единую и всемогущую власть буржуазия решилась цепко держать в своих руках, не уступая никому и не делясь ни с кем. В данном случае, как и вообще, наука лишь покорно поспешала за практическими потребностями обслуживаемого класса, варьируя свои построения в полной зависимости от той или иной национальной ситуации. В Германии невозможно в виду ряда специфических явлений сохранить единство суверенитета иначе, как путем отделения его от государственной

---

[1]) Еллинек, ук. соч,. 327.

[2]) Laband, op. cit., 15: «der Gliedstaat ist nach unten Herr, nach oben Unterthan».

[3]) Еллинек, ук. соч., 325.

[4]) Там же, 324.

власти и превращения в необязательное свойство этой власти. Ныне, поэтому, «воззрение, что суверенитет не является существенным элементом в понятии государства, является господствующим в Германии» [1]). Во Франции же (и в Италии), где подобные явления не навязываются непосредственно вниманию, удобно и выгодно продолжать отождествление обоих понятий и не признавать государством союз, лишенный суверенитета [2]).

Как размежевать власть, не затрагивая ее единства?

Так или иначе, мы видим, что вопросы автономизма и федерализма тесно переплелись в буржуазной науке с проблемой государственного суверенитета. Вся чрезвычайная сложность капиталистических отношений, трагическая необходимость примирить противоположные интересы крупного централизаторского капитала со стремлениями мелко-буржуазных слоев спастись от его удушающих об'ятий, необходимость согласовать единство и могущество государственной власти с многообразием вечно сталкивающихся интересов и конкурирующих сил, наконец, ясно обозначающаяся в последнее время экономическая слабость буржуазии, заставляющая ее чаще и чаще вмешивать государство в хозяйственные отношения, расшатывая его аппарат непосильным напряжением и вызывая сопротивление и возмущение отдельных государственных частей, все вместе—источник непреодолимых трудностей в деле размежевания власти между центром государства и его частями. С одной стороны, капиталистическое государство сознает свою полную неприспособность к управлению из единого центра хаосом интересов и страстей, из которых оно состоит, с другой—неумолимой силой хозяйственного развития оно толкается ко все большему вмешательству во все области общественной

---

[1]) Палиенко. Суверенитет, стр. 278.

[2]) Эсмен. Ук. соч., 7.—Впрочем, на неряшливость построений Эсмена, который дробит суверенитет, сам того не замечая, «загипнотизированный догмой о суверенной личности нации-государства» (de la nation-État), указал Дюги. (Ук. соч., стр. 474).

жизни, и спрос на расширение полномочий центральной власти растет повсюду с каждым днем. В таком расширении полномочий заинтересованы, в конце концов, сами места, все более втягиваемые в общее колесо хозяйственного оборота и лишенные возможности своими силами справиться с собственными нуждами,—они готовы воззвать к помощи своего центра, но из жестоких рук эксплоататорского государства они могут получить эту помощь только за ростовщичьи проценты экономического грабежа и политического угнетения. Эти безысходные противоречия выражаются во внешних формах крайне разнообразно. Известно то нелепое противоположение, которое установилось между центральным управлением и местным самоуправлением.

Государственное единство против самоуправления. Старая, «общественная», теория самоуправления прямо исходила из обособленности общества от государства и была лишь одним из выражений борьбы за буржуазные свободы, за неограниченную стихию рынка. «Она в своем последовательном развитии приводит к тому, что сводит понятие самоуправления к общему понятию свободы общения» [1]). Свободу самоуправления провинция сумела завоевать в жестокой борьбе (о которой никогда не следует забывать) [2]) только потому, что свобода эта составила лишь элемент в общей системе буржуазных свобод. Государство не могло видеть в этом умаление или дробление своего суверенитета; напротив, оно вскоре оценило в местном самоуправлении средство самоорганизации господствующего класса, «способность давать народу политическое воспитание и подготовлять к участию в высшей правительственной власти» [3]). (т.-е., укреплять и поддерживать могущественную государственную власть).

---

[1]) Н. М. Коркунов. Русское госуд. право, II, 1909, стр. 489.

[2]) Срв.: К. Гуго. Новейшие течения в английском городском самоуправлении, 1898, стр. 1.

[3]) И. Редлих. Английское местное управление, 1, 1907, стр. 234.

Однако, с течением времени оно все чаще пользуется всяким случаем, чтобы доказать местным выборным учреждениям, что они только создание законодателя, и никаких собственных первоначальных прав не имеют. Параллельно с этим растет тенденция к расширению прав и инициативы центральной власти в устроении чисто местных дел, и даже такие классические страны самоуправления, как Англия и Северо-Американские Соединенные Штаты, должны считаться с «довольно серьезной реакцией против системы крайней децентрализации, которая проведена была в жизнь в средине девятнадцатого столетия» [1]). Выдвигается новая—«государственная»—теория самоуправления, решительно навязывающая местным выборным органам значение государственных учреждений и тем ставящая их на определенное место в административной иерархии с подчинением общему государственному ранжиру: «в настоящее время общепризнано, что органы самоуправления осуществляют функции местного государственного управления и являются органами государства» [2]).

---

[1]) Джон А. Фэрли. Местное управление в С. Ш. С. А., 1910, стр. 46.

[2]) Лазаревский. Ук. соч., стр. 181. Срв.: проф. А. И. Елистратов. Очерк административного права, 1923, стр. 48. — Проф. Елистратов думает, что господство государственной теории основывается на исчезновении классовых противоположностей интересов, преследуемых центральным правительством и органами местного самоуправления по мере того, как буржуазия одерживает верх над абсолютизмом (49). В действительности, противоположность классовых интересов не только, нужно думать, остается, но приобретает особенно яростный характер: добив умирающего врага-феодала, буржуазия обрела нового в лице пролетариата, который ее самое прикончит. Эта классовая борьба идет, между прочим, и по линии противоположения центральной и местной власти и выражается в усилиях централиста-капитала подчинить себе местные учреждения под видом государственных. Отрицание такого смысла государственной теории заставляет думать, что автор считает буржуазную власть вполне надклассовой властью, а самую классовую борьбу благополучно упраздненной в правовом государстве, хотя такому предположению как-будто противоречит его же анализ форм властвования в эпоху капитализма (§ 3) и прямо вдохновенные страницы, посвященные ошельмованию как раз буржуазного государства (срв. 29) Как видно, вдохновение и впрямь вещь капризная: его «порывы благотворны», но мимолетны.

Государственное единство против автономии.

Но с еще большим недружелюбием относится государство к политически самоуправляющимся частям, вполне последовательно рассматривая автономию «следующей ступенью в смысле умаления государственного единства» [1]), значит, и могущества. И оно употребляет на практике героические усилия, чтобы высоко утвердить свое верховенство, свой суверенитет над всеми проявлениями особности и самостоятельности этих частей, и самую эту самостоятельность теоретически обосновать, как дар самоограничивающегося суверенитета.

Единство и автономизм в Великобритании.

Образцом подобного отношения государства к своим частям может послужить Британская империя с ее многочисленными и многоразличными владениями во всех частях света. Хотя все английские владения и можно схематически разбить на четыре группы [2]), относя к первой те, где непосредственно властвует губернатор, назначаемый лондонским правительством (Гибралтар и др.), к второй и третьей—владения, где при губернаторе состоит совет, целиком назначаемый им же или Лондоном (Новая Гвинея, Гонгконг, Цейлон и др.), или частично выбираемый некоторыми слоями местного населения (Ямайка, Мальта и др.), к четвертой, наконец, те, где совет строится по образцу парламента, и губернатор из партии большинства последнего назначает министерство, политически ответственное перед парламентом (Австралия, Канада, Южно-Африканская Уния и др.),—однако, к законам, регулирующим отношения всех этих земель к метрополии, примешивается огромная доля конвенциональных правил, созданных обычаем и практикой и неподдающихся никакой кодификации [3]). Во всяком случае, юридическая роль губернатора в автономных колониях четвертой группы, облеченного правом отказывать в утверждении парламентских

---

1) Лазаревский, там же.

2) Индия не войдет ни в одну из них.

3) Iulius Hatschek. Englisches Staatsrecht. 1906, I, 204-5.

законопроектов, изъятие ряда вопросов из ведения местных правительств (управление армией и флотом, хотя бы и колониальными, законодательство в области торгового мореплавания), невозможность для автономной колонии изменить свою конституцию без соизволения вестминстерского парламента, в то время как последний вправе любым образом перекраивать колониальную конституцию без всякого участия колонии,—все это при весьма невысоком уровне местных законодательных учреждений, состоящих из «жирных боров, хорошо воспитанных мошенников, подкупленных ораторов, продажных тварей» [1]), дало возможность английской государственной власти ревниво оберегать свой суверенитет и добиться того, что Британская империя до мировой войны «формально, а также фактически представляла единое целое, в котором кабинет метрополии с опорой в лице парламента определенно держал в своих руках все нити внешней политики» [2]). Война, во время которой метрополия самым эгоистическим образом использовала свои колонии, беспрекословно подчинившиеся диктаторской власти лондонского премьер-министра, и последовавшие события, заставившие Англию вследствие исчезновения европейских рынков обратить все взоры на колонии, еще более усилили ее суверенные замашки и умножили попытки укрепить единство и могущество верховной общеимперской власти.

Если принципы свободной торговли позволяли лондонским капиталистам баловать некоторые колонии довольно широкими правами самоуправления и оставлять без применения огромные юридические права метрополии, то поворот к охранительным пошлинам должен ознаменовать начало ее энергичного вмешательства и во внутреннюю жизнь доминионов, для чего при наличии соответственной фактической

---

[1]) Выражение одной стачечной прокламации (Пьер Леруа Болье Новые Англо-Саксонские общества, 1898, стр. 104. Срв., стр. 95 слл.—Личные взгляды автора далеки от демократических увлечений, что часто дает ему возможность ясно различать отвратительные стороны прославленных буржуазно-демократических учреждений).

[2]) Вальтер Фогель. Новая Европа, 1, 1924, стр. 230.

силы юридическое основание давно готово: ни одна из абсолютистских «прерогатив» короля не отменена, они только не применяются, и если это «спящее право» понадобится империализму, он его разбудит вежливым толчком. Парламентские обычаи Англии не допускают, как известно, отказа короля в роспуске палаты общин, если того требует глава кабинета. Тем не менее, уже сейчас строятся планы воскресить это законное право отказа в том случае, если правительство «рабочей» партии, укрепив свою популярность среди масс удачной политикой, потребует новых выборов в надежде обрести в новом парламенте уже решительное большинство, независящее от либералов [1]).

Причины разнообразия буржуазных автономических форм.

Это разнообразие автономических форм, которое еще пестрее выступает, если привлечь исторические примеры прежней Австро-Венгрии, проистекает оттого, что в капиталистическом государственном строе та или иная форма автономии для той или иной области не есть в о п р о с с п р а в е д л и в о с т и и р а в е н с т в а, а только с и л ы. Алчная клика, сидящая в центре на денежных мешках, озабочена лишь одной мыслью: как выгоднее и удобнее эксплоатировать всю страну, вообще, и каждую ее часть в отдельности. И сообразуясь с реальными условиями силы своей и силы эксплоатируемых, она решает различно в каждом данном случае форму государственно-правового положения области так, что эти юридические формы всегда и вполне соответствуют характеру и степени экономического подчинения [2]). Но так как соотношение сил беспрерывно

---

[1]) Известия ЦИК СССР, 18/XII-23 «Воззвание консерваторов против рабочей партии». — Стоит вспомнить по этому поводу, что писали о королевской прерогативе Б э д ж г о т (Государственный строй Англии, 1905, стр. 29) и Л о у (Гос. строй Англии, 1908, стр. 219 слл.).

[2]) Эвфемистически мысль эта выражается так: «Автономия вовсе не предполагает равноправия наделенной ею части государственного целого со всеми другими. Наоборот, она обычно есть своеобразная привиллегия, основанная на исключительных материальных и культурных условиях данной области: наличность автономии в одной части государства не дает никаких прямых оснований для домогательств других частей, где подобные условия

меняется и в общем достигает чрезвычайной пестроты, то отсюда и пестрота форм самоуправления и автономии, приводящая в отчаяние государствоведов и лишающая всякого содержания самый термин «автономия».

Государственное единство против федерализма.

Приблизительно так же обстоит дело и с федерациями. История двух замечательнейших государств этого рода, Соединенных Штатов Северной Америки и Швейцарии, есть в большой степени история борьбы союзной власти за суверенитет, за верховенство союза над отдельными членами. С самого первого момента образования федерации американских штатов возникли бурные распри между сторонниками всемогущей центральной власти и защитниками широких прав отдельных штатов [1]), склонными трактовать самую конституцию 1787 года, как договор между независимыми государствами, сохраняющими и в союзе свой суверенитет, а следовательно, право об'являть для себя ничтожными акты союзной власти и выходить из союза (нуллификация и сецессия). Это противоречие достигло крайнего обострения

совершенно отсутствуют. Можно быть сторонником широкой автономии Финляндии или Польши, и отсюда не вытекает еще никакого обязательства отстаивать автономию Литвы или Малороссии» (Котляревский Ук. соч. 272). С полным пониманием и с тонкой чуткостью к потребностям буржуазного общества здесь облекаются в юридические формы внутренние отношения эксплоатации и угнетения: автономия—дело силы, а не права. Ее не просто получают, ее вырывают из горла (disgorged—по образному выражению Энгельса). Той части государства, которую капиталист господствующей нации в состоянии эксплоатировать лишь с помощью автономии, приходится уделить эту «привиллегию»,—таковы Финляндия и Польша,—иначе, об них. пожалуй, зубы обломаешь; но украинский или белорусский мужик достаточно беспомощен и в международном отношении беззащитен, чтобы можно было счесть излишней роскошью всякие автономические церемонии и грабить без оных.

[1]) Названия этих боровшихся партий менялись таким образом, что хорошо иллюстрировали свою полную условность: централисты именовались сначала федералистами, потом вигами, наконец, республиканцами; их противники—сначала республиканцами потом демократами (срв.: Брайс, Американская Республика, 1890, II, гл 53).—Современная Америка куда откровеннее и непринужденнее: громкие и почтенные титулы республиканцев, демократов, вигов и т. п. решительно выходят из моды; и на выборах в парламент борются просто... «сухие» и «мокрые». Сухие – это трезвенники, поддерживающие запрещение торговать спиртными напитками, мокрые те, которым это невыгодно. Покойник Вильсон был мокрый.

в середине столетия, когда наметилась резкая противоположность между экономическими интересами Юга и Севера, и закончило свой острый период тем, что федеральная власть силою оружия утвердила свой суверенитет и заставила каждый штат, вступающий в союз, навсегда ему подчиниться и окончательно отказаться от своей верховной власти [1]. И в наше время власть центрального правительства этой федерации очень мало отличается от власти его в любом унитарном государстве. Уже давно американское правительство «сделалось правительством унитарным» [2]. Это не может быть иначе по существу, ибо Северо-Американские Соединенные Штаты более какой бы то ни было другой страны осуществили концентрацию и централизацию капитала; но и в постановлениях союзной конституции монополист-капитал находит твердое юридическое основание для совершенно официального сосредоточения всей власти в руках центра: шестая статья конституции утверждает право союзной власти издавать законы, противоречащие конституциям или законам отдельных штатов, и обязанность последних этим законам подчиняться. Отсюда же вытекает, что законы штатов недействительны, если противоречат общесоюзным.

А для того, чтобы держать законодательство отдельных штатов в страхе и повиновении, союзное правительство имеет отличное оружие в лице союзного суда. Здесь действует в высшей степени характерное правило: если суд штата решает, что тот или иной законодательный акт штата нарушил союзную конституцию, то решение это окончательно, и с законом этим никто не будет считаться. Но если суд штата

---

[1]) Брайс. Ук. соч., I, стр. 345.

[2]) В. Вильсон. Государство, 1905, § 1083.—Срв.: Он же «Государственный строй Соединенных Штатов», 1909: было время, когда «губернатор Нью-Йорка отрицал превосходство президента, да последний и сам готов был усомниться в важности своего официального положения» (стр. 23), но все развитие взаимоотношений центра и штатов клонилось к тому, чтобы «заставить всю промышленность страны держаться за юбки федерального правительства» (стр. 25), так-что теперь «штаты абсолютно лишены каких бы то ни было средств действительной защиты своих очевидных прерогатив» (стр. 27).

найдет, что закон штата согласуется с союзной конституцией, то такому решению союзная власть вовсе не обязана верить: оно может быть пересмотрено союзным судом [1]). Союзная власть, следовательно, прямо и бесцеремонно говорит суду штата: ты можешь, если хочешь, блюсти мои интересы в твоем штате от его покушений, а я позабочусь о защите своих интересов от твоих собственных посягательств. Итак, все, что ты запретил своему штату, то запрещено; все, что ты разрешил ему... тоже может быть запрещено.

Совершенно сходное положение наблюдалось и наблюдается в Швейцарии. Союзный договор 1815 года сохранил за отдельными кантонами полностью права независимых государств. Это не помешало союзной власти пойти войною на семь (из двадцати двух) кантонов, не подчинившихся ее постановлениям. И здесь силою победоносного оружия был освящен верховный суверенитет союза, вскоре после чего пришло и правовое «основание» в виде федеральной конституции 1848 года. Это основание было еще расширено и укреплено двадцать шесть лет спустя, так что действующая сейчас конституция предоставляет федеральной власти полномочия гораздо более обширные, чем в С.-А. С. Ш.: даже охота и рыбная ловля, даже способы умерщвления животных на бойнях регулируются общесоюзным законодательством (ст.ст. 25 и 25[2]) Но и в дела, не подлежащие ведению центральной власти, она может вмешаться и, действительно, вмешивается на законном основании конституции, предоставляющей ей это право в случае «внутренних волнений» в кантоне при невозможности для кантонального правительства призвать ее на помощь (ст. 16). Практика показала, что понятия «волнений» и «невозможности звать на помощь» столь растяжимы, что при желании союзная власть может как угодно распоряжаться в кантонах [2])

[1]) **В. Вильсон. Государство, § 1090.**

[2]) **А. Л. Лоуэлль. Правительство и политические партии в государствах Зап. Европы, 1905, стр. 364.**

В результате, компентенция центра характеризуется так: она простирается на те вопросы, которые ей отведены и на те, которые ей не отведены [1]). Единство и всемогущество—суверенитет—федеральной власти здесь, как видим, соблюдены в полной мере. В этих условиях провозглашение конституцией суверенности кантонов (ст. 3) есть, конечно, не более, как дань тщеславию мелкой буржуазии и лицемерию крупной.

Что же касается третьей федерации, б. германской империи, то, здесь дело создания и укрепления суверенитета союзной власти обошлось без междоусобной брани только потому, что экономически и политически возвысившаяся Пруссия сразу приобрела роль бесспорного гегемона в союзе. Никакое соперничество с нею, имевшей $^3/_5$ общего числа населения империи, немыслимо было для прочих государств союза, располагавших $^2/_5$ населения. И своей силой она воспользовалась для образования чисто военного государства, в котором отсутствовала всякая почва для оспаривания верховенства и всевластия центра. Имперская конституция свела почти к нулю законодательные права отдельных членов союза, она закрепила за прусскими королями право возглавлять германскую империю на все предбудущие времена, в верхней палате—союзном совете—наделенной правом в любое время распустить нижнюю палату—рейхстаг,—она предоставила Пруссии семнадцать голосов и постановила, что никакое изменение конституции не может пройти, если против него выскажутся четырнадцать голосов (ст. 78). Не довольствуясь этим и пользуясь своими фактическими преимуществами подлинного хозяина Германии, Пруссия опутала ряд государств Союза специальными договорами, в результате которых она получила их войска в свое распоряжение, как часть армии прусской, хотя и без того император германский король прусский был верховным вождем единой германской армии. При таких условиях го-

---

[1]) **Срв.: там же, стр. 365.**

ворить о старой Германии, как о федерации, т.-е., союзе равноправных государств было совершенно невозможно. Немецкие ученые не скрывали, что по смыслу ст. 78 (второй абзац) федерация эта может в обычном парламентском порядке превратиться в унитарное государство [1]). Если Пруссия этой возможностью не пользовалась, то разве потому, что с точки зрения единства и могущества обще-имперской власти в таком формальном изменении не было никакой надобности.

Современная же германская федерация построена на еще более резко выраженных централизаторских началах. При тех правах, которые конституция 1919 года уделяет общегосударственной власти, основание считать Германию единым государством с автономными частями значительно увеличивается. Эта суверенная напористость центра подчеркивается в том словоупотреблении, которое усвоено основным законом: в то время, как старая конституция именовала, все же, членов Союза государствами (Staat), новая, республиканская, сохраняя за Союзом название «империи» (Reich), тщательно избегает слова «государство» в приложении к составным частям, оперируя (довольно неуклюже) терминами «территория», а чаще «область» (Land). Но так как нет уже могущественной Пруссии,—на нее пала главная доля расплаты за поражение,—то эти области, вопреки бумажным полномочиям центра, больше, чем когда бы то ни было, склонны чувствовать себя государствами и оспаривать единство и всевластие Союза, как это сказалось в особенности на примере Баварии. Можно, поэтому, по исторической аналогии заключить, что буржуазная Германия не утвердит своего внутреннего суверенитета без кровавой междоусобной борьбы.

---

[1]) Срв.: Laband op. cit., 16.

Наука освящает всевластие централизованного капитала.

Теперь видно, что буржуазная наука рассуждает вполне последовательно и тогда, когда считает членов федерации не-государствами, и тогда, когда признает их не-суверенными государствами. Смысл в обоих случаях один: теоретически обосновать и оправдать фактическую беспомощность частей союзного государства, повсюду наблюдаемую, защитить тираническую власть централизованного капитала и сообщить ей правомерное, научное благословение. При всех противоречиях и шатаниях, которые характеризуют научную доктрину в вопросах федерализма, она руководствуется, все-же, единым мотивом: юридически освятить жестокую эксплоататорскую машину. Ту же цель преследует она и в разрешении вопросов автономизма. В «научное» понятие автономии надо во что-бы то ни стало вложить такое содержание, которое не только соответствовало бы всем видам и формам современного, по крайней мере, автономизма, но и сообщило бы правовую основу смертельной вражде капиталистического государства ко всякой самостоятельности и самобытности его частей.

Задача очень трудная. Неудивительно, что все юридические конструкции, стремящиеся разрешить ее, хромают, валятся друг на друга и кувырком летят при легком прикосновении. Выше было упомянуто о попытке разграничить несуверенные государства и негосударства путем указания на собственные законы первого и на его способность самоопределения (хотя-бы и в ограниченной сфере), т.-е., способность самоорганизации. Но что это такое—«собственное» право? Всякое право, осуществляемое суб'ектом права, есть его собственное право. Все те права, которыми пользуется автономная, например, провинция, суть ее собственные права, раз они ей принадлежат [1]). Можно-ли на этом основывать различие между суверенным государством и децентрализованной частью? Но более того: члены федерации,

[1]) Срв.: Л. Дюги. Конституционное право. Общая теория государства, 1908, стр. 184.

признаваемые государствами потому, что они, якобы, имеют возможность самоорганизации, в действительности, лишены, как мы видели, и тени этой возможности. Швейцарская и американская конституции предписывают членам союза определенную политическую форму, германская заботится даже о том, чтобы они имели ответственные министерства, иначе говоря, навязывают Land'ам не только закон, но и обычай [1]).

Выводы. Отсюда с очевидностью следует, что вовсе нет и не может быть такого определения федерации или автономии, которое бы к чему-нибудь обязывало. И если, как упомянуто выше, нации советского государства в поисках наилучших форм совместной жизни приняли эти слова и даже ввели их в свои основные законы, то никак не затем, чтобы дать словам заворожить себя и втискивать пролетарскую сущность советских республик в уродливые формы буржуазной государственности.

То же и с понятием суверенитета. В капиталистической науке термин этот не имеет сколько-нибудь бесспорного содержания. Но в капиталистической действительности это— символ угнетательской мощи, эксплоататорского назначения государства. Повидимому, в конституции Советского Союза в приложении к советским республикам он должен иметь иное, более простое и более мирное значение.

---

[1]) Как известно, любители изыскивать в буржуазных институтах их «юридическую природу» (забавное сочетание слов, вполне, однако, выражающее ту истину, что учреждения и мышление буржуазии столь же юридичны, сколь идеология ее классового предшественника была теологичной и метафизичной) уже согласились на том, что парламентаризм в тесном смысле есть область не права, а «конвенциональных правил».

III. АВТОНОМИЗМ И ФЕДЕРАЛИЗМ В СОВЕТСКОЙ СИСТЕМЕ.

«Свободная организация по коммунам».

Из того, что нами сказано о нации, вообще, об отношении пролетариата к национальному вопросу, в частности, и о том, наконец, значении, которое в буржуазной практике имеет автономизм и федерализм, следует, что в советской многонациональной стране эти формы государственного устройства возникли из побуждений, принципиально отличных от тех, которыми они порождены у буржуазии, имеют совершенно иную цель и, следовательно, иное содержание.

В самой основе советского государственного строя лежит признание за трудящимися массами полнейшей свободы самоопределения и самоорганизации. Осуществление на практике идеи советов, как органов политической власти, создание советского государства есть не что иное, как претворение в жизнь этой свободы, ее практический образ, ее действенное лицо. Еще до октябрьского переворота его вдохновитель отдавал себе полный отчет в том, каким именно образом может быть конкретизировано самоопределение и самоорганизация трудящихся: «пролетариат и беднейшее крестьянство возьмут в руки государственную власть, организуются вполне свободно по коммунам» [1]). Организоваться вполне свободно по коммунам, значит—образовать местные властные ячейки таким образом, что законодательство, дисциплина, управление, контроль суть в то же самое время самозаконодательство, самоуправление, самоконтроль, самодисциплина. Не по милости старой верховной власти, которой уже нет, не по приказу и не с соизволения новой революционной верховной власти, которой еще нет, рожда-

[1]) Ленин. Государство и Революция. 1918, стр. 50.

ются эти властные местные организации,—как-бы они ни назывались—коммуны, общины, городские и сельские советы. Их почва—трудовая спаянность рабочих масс, их организатор—общий производственный интерес, их внутренняя гармония—единая воля к дружному, согласованному действию, питаемая трудовой смычкой и движимая однородными экономическими потребностями.

Это право революционных народных масс самоорганизовываться было в то же время насущнейшей необходимостью, и постольку оно являлось обязанностью, налагаемой на них классовым интересом. Октябрьская революция, разрушившая снизу до верху весь аппарат старого государства, неотступно требовала от рабочего класса и единомышленных с ним слоев крестьянства деятельного осуществления его призыва: создания нового государства. Так как это была массовая революция, всколыхнувшая и поставившая на ноги глубочайшие низы, то и творческое государственное строительство шло снизу: местные советы и с'езды оказались настоящим фундаментом, на котором лишь потом построилась центральная власть, определяющим фоном на котором лишь постепенно стали вырисовываться очертания центральных органов.

Неудивительно, что «первое время после октябрьской революции Советская Россия представляла из себя ряд самостоятельных, не связанных с единым центром Советов» [1]. Иначе и быть не могло. Достоинство этой революции в том и состояло, что она не была произведена по указке какого-то административного центра. Советы д о л ж н ы б ы л и сначала соорганизоваться сами «вполне свободно», как предвидел еще до переворота Ленин, на чистом месте низвергнутого и разрушенного буржуазного государства, а потом уже в их бытии мог почерпнуть силы фактом этого бытия созданный центр. И этот—второй—момент тоже, как увидим дальше, предусмотрел Ленин.

---

[1]) М. Владимирский. Организация Советской власти на местах. 1919, стр. 52.

«Об'единение действия всех коммун».

В болезненном и трудном процессе становления «независимые и разрозненные» Советы сразу, однако, получили в руки такой козырь, который чудесно предохранил их от анархии и предрешил мирный и сравнительно стройный характер их последующего об'единения: они с самого начала были об'единены общей ненавистью к эксплоататорам и общностью борьбы с ними [1]). Поэтому, характер дальнейшего государственного советского строительства вырисовывался с очевидностью не только из хаоса первых дней «всей власти на местах», но был предопределен и до переворота: после захвата власти пролетариатом и беднейшим крестьянством, после свободной организации по коммунам, они «об'единят действие всех коммун в ударах капиталу, в разрушении сопротивления капиталистов, в передаче частной собственности на железные дороги, фабрики, землю и прочее всей нации, всему обществу» [2]). Самым ценным, самым характерным, самым революционным было, однако, не об'единение само по себе, а характер этого об'единения: оно было добровольным. Мы видели, какие жестокие усилия должна употребить буржуазная государственная власть, чтобы преодолеть центробежную тягу частей. Там повитуха об'единения—междоусобная война, спаивающий цемент сделан там из крови и железа. Что значит в сравнении с этим та—пусть крупная—разноголосица, которую мы имели в конце 17 и начале 18 года, пока центр и места не спелись? Ведь уже в июне 18 года первый с'езд председателей губисполкомов удостоверил, что «вредное толкование лозунга «вся власть советам на местах», как своего рода независимость от общесоветского центра, бесповоротно прошло» [3]). «Добровольный централизм, добровольное об'еди-

---

[1]) Срв.: там же.

[2]) Ленин. Государство и революция, стр. 50.

[3]) М. Владимирский. Ук. соч., 53 — Совершенно неправильно изображать этот период вроде какой-то мрачной анархии, из которой советы были выведены всемогущим центром «в результате долгой и упорной борьбы», как делает М. Рейснер («Государство буржуазии и РСФСР». 1923, стр. 371).

нение коммун в нацию» (курсив мой—Г.) третий отличительный момент первоначального становления советов, опять-таки задолго предвосхищенный Лениным [1]).

Центральное и местное самоуправление.

При таком происхождении местной и центральной советской власти, при историческом первенстве мест над центром и при абсурдности мысли о противоположении одних другому, совершенно очевидно, что местное самоуправление,—не только административное, но и политическое,—есть «нечто естественно вытекающее» именно потому, что оно не является «противовесом государственной власти» [2]), до того, что самый термин «местное самоуправление» становится, в сущности, ненужным, нелогичным, и может быть применяем только по инерции: а разве центральное управление не есть самоуправление пролетариата? Нет вовсе того положения, при котором центр раздает местам дары своего вынужденного благоволения, трусливо взвешивая и отмеривая «овому талан, овому—два»: кому самоуправление, кому автономию, кому ни того, ни другого. Здесь от села до столицы все равны. «Коммуна должна стать политической формой самых маленьких деревушек» [3]). Никому ничего не дарится, но местность, движимая собственным здоровым классовым инстинктом, не отвергает дружеского совета центра и б е р е т себе столько самоуправления, сколько ей по плечу.

Пролетариат и размежевание по нациям.

На таких путях мирное и добровольное размежевание по нациям вполне обеспечивалось. Действительно, процесс об'единения советов совершался далеко не по-писанному, он часто шел весьма извилистой дорогой. Известно, что советы об'единялись сначала по довольно случайным территориальным признакам, в губернские «республики» (Калужская, Донская и др.), в области (Московская, Западная и др.), существование которых не вызывалось никакими

1) Ленин. Государство и революция, стр. 50.
2) Маркс. Гражданская война во Франции. 1917, стр. 59.
3) Там же, стр. 57.

действительными интересами. Успешность и прочность революционных завоеваний находятся в непосредственной связи с тем, насколько полно удается пролетариату восставшей страны превратить самого себя в нацию. Решительно вырвать из рук имущих слоев экономическую власть, прочно завладеть аппаратом законодательства и управления во всякой данной стране может только пролетариат этой самой страны. «Если не по содержанию, то по форме борьба пролетариата против буржуазии есть ближе всего национальная борьба. Пролетариат каждой данной страны должен, конечно, сначала покончить со своей собственной буржуазией» [1]). Поэтому «политика классового расслоения в туземной среде, в среде угнетенных наций должна вестись самой туземной беднотой» [2]). Только пролетариат в состоянии найти общий национальный язык с крестьянскими и, вообще, мелкобуржуазными массами одной с ним нации, только он может сделать новую власть родной и близкой всем трудящимся и, обращая эту власть на службу исключительно революционным интересам, нисколько не поступаясь ее пролетарским существом, он может облечь ее в национальные формы, подчинив, таким образом, самую национальную идею своим надобностям и целям. Господствовавший класс собственников превращал эту идею в орудие обособленности, дабы никто не мешал ему по-своему эксплоатировать крестьян и пролетариев одной с ним национальности. Господствующий класс несобственников покажет, что всестороннее национальное развитие, широкое и плодотворное использование ценных национальных особенностей возможно лишь в тесном и добровольном содружестве с другими нациями и воспользуется, следовательно, национальной идеей для укрепления своей власти и для того, чтобы выковать из своей страны одно из звеньев в неразрывной цепи пролетарских национальных государств. Но для этого

[1]) Коммунистический Манифест. 1901, немецк. изд., стр. 17.
[2]) X С'езд РКП (б). Прения по нац. вопросу. Содоклад тов Сафарова. (Стенографический отчет. 1921, стр. 85).

нации советского союза должны «а) развить и укрепить у себя советскую государственность в формах, соответствующих национально-бытовым условиям этих народов; б) развить и укрепить у себя действующие на родном языке суд, администрацию, органы хозяйства, органы власти, составленные из людей местных, знающих быт и психологию местного населения» [1]).

Советская система и организация единства нации.

Образование и об'единение советов, следовательно, должно было итти по национальным линиям. В пределах каждой данной национальной территории пролетариат должен был «организовать единство нации» [2]). Незаменимую же почву для такой организации единства нации, возглавляемой пролетариатом, давали изложенные выше понимание нации и советская система. Только при концепции нации, как исторически сложившейся устойчивой общности языка, территории, экономической жизни и психического склада представляется полная возможность наполнить действительно революционным содержанием лозунг самоопределения наций. Ибо какой смысл имело бы признание права наций на самостоятельное государственное существование в устах того, кто определяющим моментом национальной общности считает национальный характер или свойство определенного содержания сознания, игнорируя язык и территорию? Такие и им подобные характеристики национальной общности изобретены и для того, между прочим, чтобы лишить «научного» основания стремления малых наций к самоопределению, чтобы оправдать и узаконить колониальный грабеж, освятить эксплоатацию наций отсталых, с темным национальным самосознанием, нациями передовыми, постигшими благородное искусство противополагать себя другим нациям. Об'яснить эксплоатируемым нациям, что они вовсе не нации, ибо лишены национальной апперцепции,—очень заманчиво для эксплоататора и сравнительно

[1]) Там же, стр. 97. (Резолюция по национальному вопросу).
[2]) Срв.: Ленин. Государство и революция, стр. 50.

не трудно. Если же они сошлются на свою территорию и свой язык, полезно по всем правилам науки доказать им, что ни территория, ни язык, не составляют необходимых элементов нации и—тут же, пользуясь замешательством, заграбить их территорию и умертвить их язык. Разве этим не исчерпывается программа буржуазии в национальном вопросе?

Нивеллирующий процесс буржуазного государства тяжким катком проходит по людям и территориям, и «все так-называемые мертвые языки, до сих пор сохранившиеся в таком изобилии, являются живыми свидетелями этого разрушительного процесса» [1]). Так в старой России «от молдаван до финнов на всех языках все должны были молчать» [2]).

Иное дело позиция пролетариата. Как раз для осуществления своей программы ему нужно было не лицемерие, не жонглерство фактами, не подтасовка лженаучных истин, а только согласие с жизненной действительностью. Признать самоопределение наций значило для него признать за каждой нацией независимо от уровня ее развития право на своей собственной земле со своим собственным языком зажить себе самой хозяином. Трудность и оригинальность положения первых двух лет октябрьской революции в том и заключалась, что не национальные окраины обращали к центральной власти требования свободы и самоопределения, а центр настойчиво приглашал эти забитые, заброшенные, униженные окраины созвать свои учредительные с'езды советов, сорганизоваться в своих территориальных границах и взять себе, наконец, столько самоуправления, сколько каждой из них по плечу. Такой именно характер носило обращение Народного Комиссариата по делам национальностей к трудящимся восточных губерний [3]), обращение,

---

[1]) Формы национального движения, стр. VII.

[2]) Тов. Одинец. Речь на I С'езде Советов СССР (Стенографический отчет, 1922, стр. 17).

[3]) «Политика Советской власти по национальному вопросу за 3 года», 1920, стр. 7.

которому предшествовало постановление ВЦИК и СНК об образовании «Татаро-Башкирской Советской республики» (1918 год).

Существо же, об'ем, характер этого самоуправления давались уже заранее существом и характером советской системы, которая, как мы пытались показать выше, сама по себе обеспечивает трудящимся массам максимум самодеятельности, самозаконодательства, самоуправления, максимум участия в государственной власти, не зная противоположения мест центру, как продукта классовой борьбы. Ее нужно было лишь вставить в каждом данном случае в те или иные национальные рамки, учтя «все разнообразие быта, культуры и экономического состояния различных наций и народностей, стоящих на разных ступенях развития» [1]) и, не поступаясь ее пролетарской сущностью, приспособить к данным конкретным условиям. «Для того, чтобы советская власть стала и для инонационального крестьянства родной, необходимо, чтобы она была понятна для него, чтобы она функционировала на родном языке, чтобы школы и органы власти строились из людей местных, знающих язык, нравы, обычаи, быт» [2]).

Шаг за шагом, с неуклонной последсвательностью, с той ровностью, сознательностью и упорством, которые, вообще, характеризуют политику пролетариата в вопросах принципиальных, с весны 1918 года до наших дней совершается процесс своеобразной национализации советской системы, прилаживания ее к особенностям и нуждам народов советского союза, причем повсюду, укрепляясь и приживаясь, она революционизирует самые косные, самые некультурные массы, давая им такое чудесное оружие борьбы за социалистическое хозяйство, пробуждая к жизни пролетарские, полу-пролетарские, бедняцкие слои и повсюду неуклонно преследуя свою провиденциальную задачу: превращение

---

[1]) X С'езд РКП (б). Стенографический отчет, стр. 96.

[2]) XII С'езд РКП (б). Доклад тов. Сталина. (Стенографический отчет, 1923, стр. 442).

пролетариата в нацию. И ничего нет удивительного в том, что в зависимости от революционных возможностей той или иной нации, в зависимости от удельного веса ее трудящихся и от об'ективных материальных рессурсов национальной местности установилась такая градация форм национально-государственной жизни, которая вводит в великий соблазн исследователей советского автономизма и федерализма, но которая, тем не менее, вполне естественна, разумно-необходима и легко об'яснима.

«Какая компетенция и кто компетентные?»

Мы насчитываем теперь в составе СССР [1] двенадцать Автономных Областей [2] и тринадцать Автономных Республик [3]. Немудрено, что при таком количестве автономных образований у наблюдателей советской государственности явилась потребность ближайшим образом выяснить характер и степень их автономности. Но такое предприятие могло бы быть выполнимо лишь в том случае, если бы приступающий к нему предварительно согласился, что вовсе не существует в науке сколько-нибудь выдержанного и явственного понятия автономии, по которому надлежит равняться, что те беспорядочно- и бессистемно-разнообразные виды автономии, которые известны буржуазной государственной практике, суть не что иное, как форма и образ политического и административного угнетения, и что существо советского автономизма определяется характером советской системы и отношением пролетариата к национальному вопросу.

«Автономные области, по комплексу предоставленных им прав ничем, в сущности, не отличаются от любой губер-

[1]) Не в смысле, конечно, государств-членов, образовавших Союз, а как политико географические единицы.

[2]) Адыгейская Вотская, Калмыцкая, Кабардино-Балкарская, Карачаево-Черкесская, Коми, Марийская, Ойратская Чеченская (РСФСР), Карабахская, Нахичеванская, Юго-Осетинская (ЗСФСР)

[3]) Башкирская, Горская Дагестанская, Карельская, Киргизская, Крымская, Монголо-Бурятская Немецкая, Татарская, Туркестанская, Якутская (РСФСР); Абхазская, Аджаристанская (ЗСФСР).

нии Советской России» [1]). Но это уже само по себе очень много! [2]). Во всяком случае этого одного достаточно, чтобы с полным правом говорить о чем-то существенно большем, чем обыкновенное административное самоуправление. Но дело в том, что в приложении к нашим «местам» буржуазный принцип измерения об'ема самоуправления исключительно суммой прав, предоставленных местной единице, решительно не годится. Принцип этот—произведение антагонистического собственнического строя. В жестокой борьбе с центральной властью местности отстаивают или завоевывают «комплексы прав», и последние, естественно, служат мерилом большей или меньшей самостоятельности мест, большей или меньшей силы центра. И так в торгашеском споре провинциального партикуляризма с государственной унификацией вопрос о сумме прав есть для провинции вопрос жизни или смерти ее самобытности и особности. Совершенно очевидно, что в государстве пролетарской диктатуры, где и центральные и местные органы одинаково должны быть органами само-

---

[1]) Проф. Б. Д. Плетнев. Государственная структура РСФСР «Право и жизнь», кн. 1, 1922, стр. 27. Заявление это потому особенно заслуживает цитирования, что им, повидимому, дан в соответствующей литературе тон, послушно перенятый другими писателями: «Что же касается об'ема прав автономных областей, то они целиком исчерпываются правами губернской организации Советов – соответственных с'ездов и исполкомов», заявляет М. Рейснер («Государство буржуазии и РСФСР», 1923, стр. 385), оговариваясь, что «само советское устройство несет в себе известные признаки автономии» (там же). Эту оговорку подчеркивает и развивает без каких-либо претензий на оригинальность проф. Архипов: компетенция автономных областей та же, что и компетенция губерний. Советское законодательство «твердо стоит на той точке зрения, что автономия (в тесном смысле слова) национальных областей тождественна автономии губерний, повторяя из декрета в декрет; исполком области пользуется правами губисполкома». («Типы советской автономии», «Власть Советов», № 8–9, 1923, стр. 41). И только В. Дурденевский (На путях к русскому федеральному праву, «Советское право», № 1, 1923, стр. 31) и проф. Д. А. Магеровский («Союз Советских Социалистических Республик», 1923, стр 17) идут дальше и глубже в характеристике областной автономии, подчеркивая значение областей, как национальных образований.

[2]) Если не стоять, конечно, на точке зрения того же проф. Б. Д. Плетнева, что компетенция даже автономных республик мало чем отличается «от компетенции нашего дореволюционного губернского земства» (Ук. соч., стр. 29), но так, кажется, не думает никто из тех, кто знает не только «наше» земство, но и наши советы.

управляющего пролетариата, вопрос «какой круг компетенции?» теряет на местах всю свою принципиальную остроту, как и вопрос «какой круг компетентных?», всегда, в сущности, скрывающийся за первым и наполняющий его смыслом и содержанием. (Легче ли было индусам от того, что вице-король Индии располагал огромными правами и прямо монаршей компетенцией? Ведь он принадлежал к нации угнетателей и ею посылался для угнетения!).

В чем автономия Автономных Областей?

Однако, не существуя в принципиальной плоскости для великорусской губернии, оба вопроса встают во всю свою величину как только мы переходим на инонациональную территорию, где до революции прозябали в жалкой заброшенности, или с тупой покорностью судьбе вымирали, или в муках безнадежных восстаний погибали бывшие «инородцы». И что-же? Первый вопрос—о количестве прав, о круге компетенции—разрешает здесь сама советская система, несущая вчерашней недержавной местности все возможности самоорганизации, самоуправления и самозаконодательства, какие только она в состоянии использовать. Это, повторяем, очень много, неизмеримо больше того, что может дать самый демократический буржуазный автономизм. И, тем не менее, здесь этого было мало. Здесь эта самоорганизация должна была окраситься яркими национальными тонами, и на основной вопрос революции: кто компетентные?, на который Октябрь ответил: низы,—он же, обращаясь к окраинам, настойчиво и с ударением подчеркнул: национальные низы.

Автономия,—это не плохо. «Необходимо только, чтобы автономия обеспечивала власть не верхам данной нации, а ее низам. В этом вся суть...» [1]). И что такое эта национальная автономия? Это организация «местной школы, местного суда, местной администрации, местных органов власти, местных общественных, политических и просветительных учреждений с гарантией полноты прав местного, родного

[1]) «Политика Сов. вл. по нац. вопросу», стр. 9.

для трудовых масс края, языка во всех сферах общественно-политической работы» [1]). И в этом тоже вся суть: Одно неотделимо от другого. Местная советская власть в руках национальных низов—это советская национальная автономия.

Не представляется ли после этого непониманием, поистине фатальным, утверждение, что автономные области по своим правам ничем не отличаются от любой губернии? Формально и безотносительно это так и есть.

Но вот великорусская деревня, никогда не знавшая специфически-национального гнета. Обогатилась ли она сейчас новым благом национальной свободы, благом жить и развиваться в согласии со своими национальными особенностями? Нет, разумеется, ибо этого у нее и раньше никто не отнимал. А вот черемис, или вотяк, или «ордынец», над которым издевался миссионер, которого избивал чиновник по особенному, так, как избивали только инородцев за малейшее, хотя бы инстинктивное, проявление национальной особенности, или просто за то, что инородец. Совершенно очевидно, что от советской власти он получил неизмеримо больше, чем его русский соотечественник-пролетарий или крестьянин. Национальная губерния получила права своего национального существования и развития, которых у нее раньше не было. Но если бы политика рабочего класса в национальном деле ограничивалась голым провозглашением этих прав без реальных шагов к их осуществлению, можно было бы, пожалуй, говорить, что к обычной советской автономии национально-областная автономия ничего не прибавляет. Однако, мы знаем, что одно из драгоценнейших прав отсталых наций в Советском Союзе есть их право на активную помощь, и праву этому корреспондирует обязанность «державной» нации оказать помощь, которая есть только возвращение долга. Это право и эта обязанность имеют своим источником не столько соображения справедливости, или виновности, или ответствен-

[1]) «Политика Сов. вл. по нац. вопросу», ст. 9.

ности, сколько сознание пролетариатом своих классовых интересов и интересов мировой революции. Поэтому, и граница право-обязанности вполне реальна: интерес рабочего класса, которому подчинены все другие интересы, значит, и национальные.

В чем автономия Автономных Республик?

Тот же самый принцип—право на свободное национальное развитие, предполагающее братскую взаимопомощь наций в своем реальном осуществлении—лежит и в основе организации Автономных Республик. То обстоятельство, что органы власти этих Республик именуются не Губернскими Исполнительными Комитетами и их отделами, а Центральными Исполнительными Комитетами и Народными Комиссариатами, в связи с тем, что шесть (обычно) из этих Наркоматов выделены из общей административной системы федерации с установлением их ответственности перед Ц. И. К-ом Автономной Республики и Ц. И. К-ом федерации, акцентируется, по общему правилу, в нашей литературе, как признак большей, сравнительно с Автономными Областями, самостоятельности этих Республик и большей их независимости от центральной власти. «Автономные Республики, имеющие свои ЦИК'и, Совнаркомы и Трибуналы, представляют уже не провинции, а государствовидные образования» [1]). Между тем, при всей бесспорности устанавливаемого, таким образом, различия, оно лишено в нашей системе всякой характерности и может задерживать на себе внимание наблюдателя лишь постольку, поскольку его интересуют исключительно юридические формы. Мы не склонны отрицать своеобразную важность этих юридических форм в существующей стадии советского государства и необходимость их выяснения и изучения, но мы хотели бы всегда помнить, что умозаключать нужно не от формы к

[1]) В. Дурденевский. Ук. соч., стр. 31.—Срв.: Конст. Архипов. Типы советской автономии, «Власть Советов», № 10, 1923, стр. 35: «если автономия национальных областей вызывает сомнение... то автономия автономных республик у большинства исследователей сомнений не вызывает». Срв.: Его же Ук. соч., «Власть Советов», № 8—9, стр. 44.

содержанию, а обратно. Там, где большая или меньшая самостоятельность разнонациональных частей государства знаменует большую или меньшую национальную исключительность, там, где большая независимость области означает для представляющей нацию буржуазии большую возможность противопоставить себя господствующей нации, т.-е. государству, там достигнутая степень самостоятельности имеет весьма важное значение, как этап к вожделенной цели—суверенному государственному существованию. Но в государстве пролетарской диктатуры все то, что характеризует отношения к центру мест, вообще, характеризует также и отношения национальных областей к общенациональному центру, в частности. Когда нет классовой розни, нет отношений эксплоатации и подчинения, то о какой самостоятельности и независимости может итти речь? Независимость—от кого? Самостоятельность—для чего? Если, тем не менее, мы говорим о большей, сравнительно с Автономными Областями, самостоятельности Автономных Республик, то это может означать и в действительности означает только одно: Автономная Республика менее нуждается в поддержке, помощи и руководстве центра, чем Автономная Область. Ее культурные достижения выше, ее трудящиеся массы сознательнее, они крепче держат власть в своих руках и ближе подошли к аппарату законодательства и управления. Есть, поэтому, возможность предоставить ее до известной степени самой себе в тех отраслях общественной жизни (Просвещение, Земледелие, Внутренние дела, Народное здравие, Суд), которые непосредственно и тесно связаны с национальными особенностями, с бытом, с традиционным укладом и имеют поэтому основное значение для развития нации, как таковой [1]). Означает ли это «больше автономии», т.-е. больше

---

[1]) Федеральная власть, оставляя в своем ведении организацию финансов, труда, промышленности, как будто «урезывает» компетенцию Автономной Республики, ограничивает ее свободу. На самом же деле, она снимает с неокрепших плеч нации непосильную для них обузу, освобождая ее от риска и катастроф, гарантируя бескорыстную поддержку во всякую ми-

свободы? Нет,—ибо национального гнета не существует ни для Области, ни для Республики. Но это означает больше трудностей, больше ответственности нации перед самой собой и предполагает, следовательно, больше культурных сил и культурной самостоятельности. На таком пути Автономной Республике предстоит преодолеть много препятствий и совершить много ошибок. Тем не менее, это единственный путь для пролетариата овладеть нацией, самому превратиться в нацию и, умертвив в зародыше всякую национальную исключительность, поборов националистические и шовинистические пережитки, еще явственнее осознать свои интернациональные цели и еще ограниченнее и крепче внедриться в круг равноправных наций Советского Союза.

Там, где капитал, не желая выпускать из своих рук нации и земли, как об'екты эксплоатации, пускает в ход автономические формы в качестве средств эксплоатации, там автономия—один из способов преодолеть до времени центробежную тягу; там же, где добровольно соединяющиеся нации, уничтожив частную собственность на орудия производства и тем самым все предпосылки всех видов угнетения, организуют социалистическое хозяйство, там автономия—один из способов поощрить и облегчить центростремительные тенденции.

нуту и тем самым облегчая ей задачу культурно-национального строительства. Но в состоянии ли понять такую автономию ум юриста, воспитанного на буржуазно-автономических образцах? Цитируя акт «О государственном устройстве Автон. Сов. Башк. Республики», где сказано, что «необходимыми финансовыми и техническими средствами» республика эта «снабжается из общих средств РСФСР», проф. Б. Д. Плетнев именно в этом обстоятельстве и усматривает «ограничение финансовой компетенции автономных республик» (Ук. соч., стр. 28). Как это смешно и как, в то же время, характерно для буржуазного понимания равноправия и независимости! Конечно, в обстановке насильнического буржуазного государства автономной области выгоднее перетерпеть все муки голода, чем принять помощь от центральной власти: расплатой за помощь будет ростовщичья кабала. И государство нисколько не обязано облегчить затруднения своей автономной части: в «комплексе» ее прав заключается и право свободно и беспрепятственно погибнуть!

Республики и Области, как части федерации.

Но если так, то сам собою решается вопрос о федеративном положении не только Автономных Республик, но и Автономных Областей. Прежде всего,—относительно первых: федеративные это части государства сложного или автономные провинции государства унитарного? Конечно, если взять за исходную точку положение о прирожденной федеративности советского государства, о том, что стиль не только автономизма, но и федерализма—естественный стиль этого государства [1]), то и вопрос не существует, все упрощается до крайней степени: если каждая губерния, каждый уезд, город, село—все члены федерации, все «государства-части» сложного целого, тогда Области и Республики подавно выступают в этом чине. Такая простота, однако, хуже всякой сложности. Практически она так же мало согласуется с ежечасно наблюдаемой советской действительностью, где могучие элементы демократического централизма, централизма снизу, продукта добровольного об'единения советов в ударах капиталу и в организации социалистического хозяйства, чувствуются с неотразимой реальностью, как мало всякая, вообще, фантастика согласуется с действительностью. Теоретически—она более соответствует беспочвенным иллюзиям какого-нибудь мелкобуржуазного демократа, чем марксистским представлениям о государственных формах, необходимых пролетариату в переходный период захвата им власти. Что можно, впрочем, прибавить к аргументам Ленина против федерализма, приведенным в «Государстве и Революции?». Разве что еще ссылку на Маркса в

---

[1]) Конст. Архипов. Типы советской автономии. «Власть Советов» № 8—9, 1923, стр. 36.—По мнению автора самая терминология «Декларации прав трудящегося и эксплоатируемого народа»—«Республика Советов»!—отдает конфедерализмом (стр. 35). Увы, мы принуждены его огорчить: «Республика Советов» имеет такой смысл только в заграничных писаниях левых эсеров (срв. напр., сборник под тем же названием, изд-во «Скифы», Берлин-Милан). А у нас Республика Советов значит—Советская Республика и больше ничего.

«Обращении Ц. К. Союза Коммунистов к членам Союза» 1850 г.? [1]).

С другой стороны, если учинить Автономным Республикам буржуазный экзамен на звание федеративных частей, то они на этом экзамене непременно провалятся. Ведь «особенностями федерированной части государства, в отличие от автономной, являются, во-первых, учредительная ее власть, во-вторых, окончательность ее актов, не подлежащих утверждению высшей властью, в-третьих, участие в создании хотя бы некоторых органов федеральной власти» [2]). Иными словами, требуются все такие данные, которые (во всяком случае, первые два) существуют лишь в бестолковом воображении юристов и в их искусственных конструкциях, но не в подлинной действительности капиталистических федераций, как мы видели выше. Пред'являть все эти условия, сущность которых все сводится к торгашескому «сколько компетенции?», «какой комплекс прав?», к членам советской федерации, значит—сугубо не понимать сути государства пролетарской диктатуры. Но в нашей молодой литературе по советскому федеральному праву исследователи не миновали, все же, протоптанной тропинки: проэкзаменовали-таки Автономные Республики по старому буржуазному Handbuch'у, и—результат получился совсем странный: по первому и второму пунктам—познания неудовлетворительные [3]), но так-как по третьему испытуемые выказали кой-какую осведомленность, то снисходительные экзаменаторы за одно это выдали им свидетельство в федеративности, чем преступили, конечно, против всех юридических канонов.

---

[1]) Впервые, если не ошибаемся, опубликовано на русском языке в журнале «Вперед», изд. ЦБКПБ. Минск, 1922, № 4, стр. 59.

[2]) Я. М. Магазинер. Общее учение о государстве. 1922, стр. 299.

[3]) При особом мнении остались проф. В. Н. Дурденевский (См Ук. соч. 31) и В. Д. (См. «Советское право» № 2, 1923 г., стр. 20).

Смысл федерализма: равенство членов федерации.

На самом деле, суть советского федерализма на частном примере РСФСР может быть правильно установлена, думается нам, только в плоскости все той же национальной проблемы, во имя которой пролетариат допускает федеративным началам пронизывать компактное тело своего демократически-централизованного государства. Он «учитывает ясный факт, что национальный вопрос еще не изжит, и потому признает федеративную республику «шагом вперед» [1]). Она есть средство для изживания национального вопроса, изживания, возможного только в атмосфере пролетарской диктатуры и действительно начатого. Все дело в том, что есть один элемент в федерализме, подлинно существенный, настоящее essentiale negotii, которое буржуазия затушевывает и игнорирует, затемняя его кучей юридической дребедени. Это принцип равенства составляющих федерацию частей. Где соглашающиеся стороны не равны, а только уравнены жестокой палкой центральной власти, как каторжники, прикованные к общей тачке, ненавидящие друг друга за тяжесть не ими созданных цепей и принуждаемые надсмотрщиками послушно влачить проклятый груз, там нет федерации—союзного государства. Так обстоит дело в буржуазных союзах, что мы пытались показать выше. Иначе—в случае советской федерации. Здесь в союз вступают нации, предварительно уничтожившие каждая у себя частную собственность на орудия производства, как основную предпосылку раздоров, неприязни, эксплоатации, угнетения, неравенства. Они все получают не только одинаковое право на жизнь, но и действительные средства осуществления этого права—больше тому, кто слабее. (А не по «естественным» законам собственнического общества—больше тому, кто сильнее!). Между ними еще нет фактического равенства, — конечно, нет. Потому-то и нужна сильная рука федеральной власти, чтобы распределять (а не делить) как неизбежные тяжести

[1]) **Ленин.** Государство и революция, 1918, стр. 68.

гражданских войн и социалистического строительства, так и достигнутые блага. Не вина пролетариата, что взору юриста, мысль которого движется в привычных формах внешнего благообразия и наружной симметрии, здесь чудится «урезывание компетенции», большее или меньшее «подчинение центру», «больше или меньше автономии» и тому подобные несправедливости: ведь он привык раздавать равные права неравным суб'ектам, и в этом он видит справедливость!

В чем же суть Советского федерализма?

Между нациями советского союза—безразлично, возьмем ли мы их в масштабе РСФСР, или ЗСФСР, или СССР,—еще нет фактического равенства. Но нет и не может быть, в то же время, малейшего поползновения сильного воспользоваться слабостью слабого для его ущемления. Напротив: в порядке дня «действительная, систематическая, искренняя, настоящая пролетарская помощь с нашей стороны трудящимся массам отсталых в культурном и хозяйственном отношении национальностей» [1]), помощь, не ограничивающаяся культивированием национальных языка и школы, а направленная, главным образом, к созданию на окраинах очагов промышленности [2]). При таких совершенно невиданных и немыслимых в капиталистическом строе междунациональных отношениях, фактическая слабость той или другой нации теряет свой унизительный характер, перестает быть неисчерпаемым источником ненависти, раздражения, стыда, а есть то, что она есть: функциональный недостаток, вполне исцелимое недомогание, активное лечение которого ни в каком случае не является актом благотворительности, а требуется интересами преуспеяния целого. Жестокая классовая борьба всегда спаивает членов молодого, полного сил класса: отставших и изнемогших не добивают и не покидают на произвол судьбы, а поддерживают общими силами

[1]) И. Сталин. Доклад на XII С'езде РКП (б). Стенографич. отчет. 1923, стр. 446.

[2]) Там же, стр. 446.

коллектива, и в этом—залог самоотверженности и безоглядной преданности каждого. Так и в советском союзе наций реальная слабость того или другого сочлена имеет тенденцию компенсироваться не менее реальной поддержкой сильной федеральной власти. Добиваясь того, чтобы интенсивность этой поддержки была прямо пропорциональна нужде в ней, мы достигаем результата, в котором вся суть советского федерализма, секрет прочности, спаянности и растущей мощи советской федерации: все нации, члены этого союза, неравные сами по себе в отдельности, все равны в союзе, ибо каждая из них прибавляет к своей собственной силе равно столько силы союза, сколько ей нужно, чтобы сравняться с другими. При этом она ничего не теряет, а приобретает в своей индивидуальной самобытности.

Безразлично, следовательно, как называется тот или другой национальный сочлен—Областью или Республикой: первая такой же полноправный член федерации, как и вторая.

Но так поставить вопрос национального равенства может только пролетариат. И такой уравновешивающей по отношению к нациям силой может быть только классовое государство пролетариата.

Федерализм Союза ССР и суверенитет Союзных Республик.

Именно из указанного выше факта народы советских республик сделали вывод, необходимым следствием которого было об'единение четырех независимых государств в одно союзное государство. Только в тесном, государственно-правовом, а не международно-правовом союзе они равны и сильны внутри и во вне. У буржуазии, как мы видели, об'единение в федерацию есть обычно результат междоусобной драки, когда слабые нации или области, более или менее основательно побитые сильными, «добровольно» подчиняются эгоистической власти центра. Когда неожиданным результа-

том стремления к образованию национальных государств явилось во второй половине XIX века многонациональное буржуазное государство, чудовище, пожиравшее соки слабых наций в угоду господствующей нации, тогда стало ясным, что государство есть отрицание нации, подобно тому как буржуазное общество, основанное на равенстве свободных индивидуумов оказалось в своем диалектическом развитии резким отрицанием свободной человеческой личности, ежеминутно ограничиваемой в законнейших потребностях, втаптываемой в грязь и приносимой в жертву капиталу. Тогда, конечно, суверенитет нации превратился в «пустую фразу» (см. стр. 36), и господствующая нация поспешила перенести его на государство, лишив, таким образом, суверенитета подчиненные нации, но сохранив его за собою.

Но есть-ли какая-нибудь надобность производить эти воровские манипуляции пролетариату в советском многонациональном государстве? Разве он не возвращает нациям то, что у них украла буржуазия, т.-е., их верховное право располагать собою? Право нации на самоопределение и есть ее суверенитет. Своим вхождением в Советский Союз она только утверждает это право. Здесь нация не бьется в безжалостных тисках государства, и государство не питается живою плотью и кровью обезличенных наций: государство—не отрицание, а утверждение нации,—не очевидно-ли, в таком случае, что противоестественному разделению суверенитета государства и суверенитета нации приходит конец? А если, так, то государству, входящему в Советский Союз, не нужно для сохранения здесь своего суверенитета больше того, что нужно нации для сохранения ее суверенитета: права на самоопределение. Поэтому, союзная конституция, гарантирует Союзным Республикам право одностороннего выхода из Союза, тем самым дает необходимое и достаточное доказательство их суверенитета.

И этот суверенитет государства члены Советского Союза сохраняют всегда и полностью. Четвертой статьей конституции пролетариат удостоверил, что менее кого-бы то ни

было мог бы и хотел бы он ограничивать право нации на самоопределение. Если же третья статья говорит об ограничении суверенитета в определенных пределах, то это означает лишь, что ряд функций государственного управления Союзные Республики свободно и добровольно вручают союзным органам, причем право этих Республик в любую минуту вернуть себе эти функции—порука целости и сохранности их суверенитета.

Федерализм Союза Советских Социалистических Республик есть по природе и смыслу своему тот же, что и федерализм РСФСР, или ЗСФСР. И здесь и там одна из самых существенных черт советской федерации—ее способность быть «переходной формой к полному единству трудящихся разных наций» [1]).

Это «полное единство» можно понимать только, как «единую, централистически-демократическую республику» [2]). Но в то время, как в буржуазных федерациях путь к этому лежит через обезличение и ассимилирование господствующей нацией всех других, в советской—момент полного политического единства совпадает с моментом достижения всеми нациями полного фактического равенства. Лишь медленно и постепенно представители наций в Советском Союзе будут переходить от защиты отдельных интересов этих наций перед Союзом к защите общих интересов Союза перед нациями [3]). Но момент этого равенства есть вместе с тем момент столь высокой хозяйственной культуры, столь полного и всестороннего овладения пролетариатом каждой нации своей собственной нацией, путь к нему так еще долог и тернист, националистические пережитки еще так сильны, взаимного непонимания так много, что, действительно, самый вопрос о переходе от федерации к единой республике приходится ставить с величайшей осторожностью,

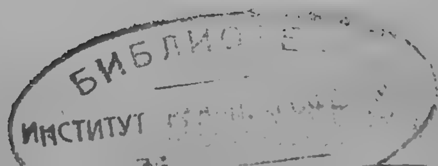
---

[1]) Н. Ленин. Собр. соч., т. XIX, стр. 268.

[2]) Его же. Гос. и рев., 1918 стр. 68.

[3]) Срв.: А. Г. Гойхбарг, «О Туркестанской конституции», журн. «Пролетарская революция и право». 1918, стр. 21.

изучать с особенной осмотрительностью, и, все-таки, трудно будет уберечься при этом от опасности быть дурно понятым. Ибо советские чиновники слышали звон о том, что «марксисты-де—централисты», что «сам Энгельс был за единую, нераздельную республику», и в своем наивном, а иногда и злостном невежестве они вообразили, что это и есть та самая «единая-неделимая», к которой вожделеют, за счет которой привыкли жить они и разные альфонсы из сменивших уже вехи или щеголяющих еще в старых вехах. Им суждены, конечно, большие разочарования. Но и не одну, вероятно, каплю правды сумеют они превратить в целую волну лжи для своей мельницы.

СОДЕРЖАНИЕ.

Цена 50 коп.

ИЗДАТЕЛЬСТВО
СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ
АКАДЕМИИ
МОСКВА

